Е. В. Пятуховъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ М. И. СУХОМЛИНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1912.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1912 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Р
85

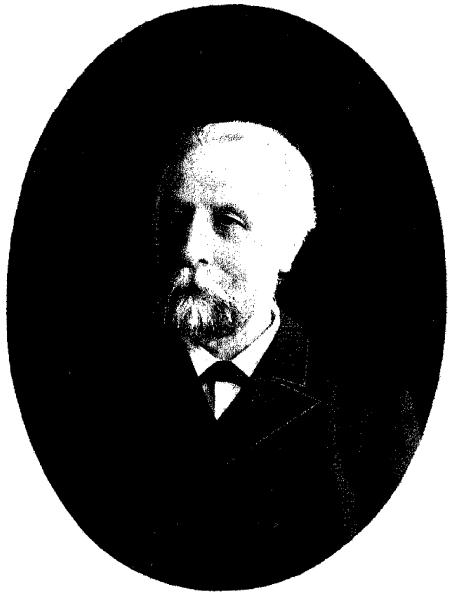
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

924
69

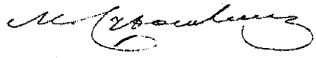
Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XVI (1911 г.), кн. 3-я.

1850-хъ годовъ.

1870-хъ годовъ.



1890-хъ годовъ.



Фототипія В. Спасовъ. С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-3

Правленіе Н. Хаминскій.

Отъ автора.

8 іюля текущаго (1911) года исполняется десять лѣтъ со дня смерти М. И. Сухомлинова. Это даетъ мнѣ поводъ къ опубликованію нѣкоторыхъ, преимущественно архивныхъ, матеріаловъ для его біографіи, полученныхъ мною благодаря любезному содѣйствію разныхъ лицъ и учрежденій. Труженическая, посвященная исключительно наукѣ жизнь этого выдающагося дѣятеля и прекраснаго человѣка была небогата внѣшними фактами; сообщаемыя мною данныя также не выходятъ почти за предѣлы ученыхъ и литературныхъ интересовъ М. И-ча, но они могутъ имѣть значеніе не только для его жизнеописанія: они отражаютъ на себѣ въ извѣстной степени состояніе научныхъ задачъ и потребностей недавняго прошлаго, нѣкоторыя черты быта отходящей эпохи, кое-какія подробности въ исторіи развитія русской филологіи, славистики и просвѣщенія — въ дополненіе къ той небольшой біографической и библіографической литературѣ, которая до сихъ поръ была посвящена С-ву [1]).

---

1) Общественное вниманіе къ М. И. С-ву, нашедшее себѣ выраженіе въ печати, болѣе замѣтнымъ образомъ было возбуждено дважды: по поводу сорокалѣтія его служебной и ученой дѣятельности въ 1892 году (хотя по отношенію къ послѣдней эта дата было запоздалой на два года) и затѣмъ по поводу его смерти. Библіографическій указатель этихъ данныхъ, а равно и нѣкоторыхъ другихъ, преимущественно офиціально-біографическаго характера, помѣщенъ въ трудѣ П. К. Симони: Хронологическій списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій Михаила Ивановича Сухомлинова. I. Матеріалы для біографіи и некрологи М. И. Сухомлинова. II. Перечень ученыхъ и литературныхъ трудовъ М. И. Сухомлинова. Корректурное изданіе для дополненій и поправокъ,

Руководимый по преимуществу ненапечатанными до сихъ поръ матеріалами, я не буду стремиться въ своемъ изложеніи къ исчерпывающей полнотѣ и не стану заполнять пробѣлы въ біографіи С-ва слишкомъ уже извѣстными сообщеніями или произвольными догадками.

Считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь глубокую мою благодарность за оказанное содѣйствіе въ полученіи мною архивныхъ матеріаловъ и устныхъ сообщеній: И. А. Бычкову, К. Я. Гроту, А. Ѳ. Кони, Б. Л. Модзалевскому, С. Ѳ. Ольденбургу, П. К. Симони, В. И. Срезневскому, О. М. и Т. М. Сухомлиновымъ, П. Ѳ. Сухомлинову и А. А. Шахматову, а также администраціи архивовъ Харьковскаго и С.-Петербургскаго университетовъ и Академіи Наукъ.

Три приложенныхъ портрета С-ва взяты изъ разныхъ періодовъ его жизни, при чемъ оригиналомъ для воспроизведенія перваго портрета послужила весьма рѣдкая литографія, принадлежавшая слушателю С-ва—Л. Н. Модзалевскому, изготовленная въ 1850-хъ годахъ студентами-филологами Петербургскаго Университета и предназначенная для помѣщенія въ одномъ изъ выпусковъ издававшагося ими, при ближайшемъ участіи М. И-ча, «Сборника», однако не выпущенная въ свѣтъ и сохранившаяся у Б. Л. Модзалевскаго; два другіе портрета воспроизведены съ фотографій: изъ 1870-хъ годовъ—В. Лауфферта въ Петербургѣ (изъ альбома семьи Срезневскихъ) и 1890-хъ годовъ — К. А. Шапиро въ Петербургѣ.

какъ подборъ матеріала для будущей систематической библіографіи. Спб. 1901. Въ настоящее время первый отдѣлъ этого труда можно дополнить слѣдующими статьями: В. Е. Рудаковъ. Памяти академиковъ М. И. Сухомлинова и И. Н. Жданова. Истор. Вѣстн. 1901, окт. [о С-вѣ: стр. 195—204]; А. Ф. Масловскій. Памяти М. И. Сухомлинова. 17 января 1902 года. Спб. 1902; А. И. Соболевскій. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ за 1901 годъ, помѣщ. въ Сборникѣ II Отд. Ак. Н. т. 71 (1902) [о С-вѣ: стр. 1—4]; во второй отдѣлъ долженъ быть внесенъ изданный подъ ред. акад. А. И. Соболевскаго сборникъ статей М. И. Сухомлинова подъ заглавіемъ: Изслѣдованія по древней русской литературѣ. Спб. 1908 [Сборн. II. Отд. Ак. Н. т. 85].

I. Въ Харьковѣ.

Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ родился 3 марта 1828 года. Его отецъ, Иванъ Ивановичъ Сухомлиновъ, былъ профессоромъ химіи въ Харьковскомъ университетѣ и умеръ 10 марта 1836, состоя на службѣ [1]). Матери, которую звали Олимпіадой, М. И. лишился тоже рано, и его воспитаніемъ завѣдывала тетка, Ольга Давыдовна Дещенкова (род. 1811, ум. 1891), пользовавшаяся большой любовью своего воспитанника, жившая потомъ при немъ и въ Петербургѣ. Начальное образованіе М. И. получилъ въ Харьковскомъ пансіонѣ Ефима Зимницкаго, гдѣ онъ жилъ и учился, приходя домой лишь по праздникамъ [2]). Самъ М. И., гораздо позднѣе (1871), собственноручно записалъ [3]), что въ «пансіонѣ былъ ученикомъ Костомарова, въ университетѣ — Срезневскаго». Этимъ упоминаніемъ онъ, очевидно, хотѣлъ отмѣтить двухъ лицъ, которымъ онъ считалъ себя особенно обязаннымъ по части образованія. Дѣйствительно,

---

1) Позднѣе, повидимому — передъ поступленіемъ въ университетъ, М. И. подавалъ въ Харьковское Дворянское Депутатское Собраніе просьбу внести его въ родословную дворянскую книгу, что и было исполнено 14 янв. 1844.

2) Неизвѣстно, въ которомъ году поступилъ въ этотъ пансіонъ М. И., но у его дочерей хранится нѣсколько «похвальныхъ листовъ», выданныхъ оттуда «воспитаннику Михаилу Сухомлинову» «въ засвидѣтельствованіе особеннаго благонравія и оказанныхъ превосходныхъ успѣховъ»: именно, за II классъ (отъ 22 іюня 1838, за подписями: Инспекторъ училищъ Харьковскаго Учебнаго Округа Ф. Тюринъ. Содержатель Благороднаго пансіона Ефимъ Зимницкій. Законоучитель, священникъ Петръ Акимовъ. Преподающій нѣмецкій языкъ Хр. Немкинъ. Учитель ариѳметики, колл. ассесоръ І. Лозинскій), за III кл. (отъ 14 іюня 1839, за подписями: Ректоръ университета А. Куницынъ. Содержатель пансіона Ефимъ Зимницкій. Учитель Закона Божія Павелъ Лебедевъ. Учитель русскаго языка Павелъ Иноземцевъ. Учитель математическихъ наукъ Василій Стояновъ. Учитель переводовъ съ французскаго языка на русскій Алексѣй Кипріяновъ. Преподающій русскую исторію Михаилъ Ильенко), за IV кл. (отъ 22 іюня 1840, за подписями Тюрина и Ефимовскаго) и за V кл. (отъ 22 іюня 1841, тѣ же подписи).

3) Въ альбомѣ М. И. Семевскаго «Знакомые». Спб. 1888, стр. 59.

Н. И. Костомаровъ, говоря въ своей автобіографіи о жизни своей въ Харьковѣ въ началѣ 1840-хъ годовъ, замѣчаетъ: «Я занялся преподаваніемъ исторіи въ мужскомъ пансіонѣ Зимницкаго, а между тѣмъ тогда же мнѣ явилась мысль писать исторію эпохи Богдана Хмѣльницкаго» [1]). Въ другомъ мѣстѣ своихъ автобіографическихъ воспоминаній Костомаровъ такъ вспоминаетъ о С-вѣ: «М. И. Сухомлиновъ былъ въ отрочествѣ моимъ ученикомъ въ Харьковскомъ пансіонѣ Зимницкаго, гдѣ я когда-то, въ началѣ 40-хъ годовъ, давалъ уроки. Сухомлиновъ тогда уже былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и съ перваго раза былъ замѣтенъ по дарованіямъ и уму» [2]).

Очень вѣроятно, что между оставленіемъ С-вымъ пансіона Зимницкаго и поступленіемъ на историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета прошло нѣкоторое время, однако не болѣе года, употребленное имъ на подготовку къ вступительному университетскому экзамену. Поступленіе въ университетъ относится къ 1842 г.; объ университетскомъ ученьи С-ва Костомаровъ, защитившій въ январѣ 1844 года свою магистерскую диссертацію и вскорѣ затѣмъ покинувшій Харьковъ, отзывается лишь по слухамъ: «въ университетѣ онъ, какъ я слыхалъ отъ многихъ, былъ лучшимъ студентомъ». Впослѣдствіи самъ М. И., уже въ качествѣ историка, вспоминалъ сороковые годы Харьковскаго университета, разсказывая объ уничтоженіи первой диссертаціи Костомарова въ 1842 году. Тутъ онъ даетъ слѣдующую характеристику профессоровъ историко-филологическаго факультета, у которыхъ и самъ учился: «Профессоръ русской исторіи П. П. Артемовскій-Гулакъ былъ большимъ почитателемъ Карамзина и непримиримымъ врагомъ Полевого... Профессоръ русской словесности В. А. Якимовъ принадлежалъ къ риторамъ старой школы, писалъ разсужденія, и въ стихахъ и въ прозѣ, о краснорѣчіи въ смыслѣ подлежательномъ и предметномъ, о красотахъ и изобиліи русскаго языка и тому подобныхъ предметахъ. Докторская диссертація Якимова «О краснорѣчіи въ Россіи до Ломоносова» отличается и безцвѣтностью содержанія, и наивностью критическихъ пріемовъ

1) Н. Костомаровъ. Литературное наслѣдіе. Спб. 1890, стр. 44.

2) Юбилейный Сборникъ Литературнаго Фонда. 1859—1909. Спб. 1909, стр. 119.

автора... Профессоръ статистики А. П. Рославскій-Петровскій принадлежалъ къ числу даровитѣйшихъ представителей науки въ Харьковскомъ университетѣ... Въ лекціяхъ Рославскаго-Петровскаго было много живого; онъ касался вопросовъ о свободной волѣ человѣка; о томъ, подчинены ли человѣческія дѣйствія такимъ же законамъ, какіе обнаруживаются въ жизни природы; знакомилъ слушателей съ сочиненіями Кетле и другихъ ученыхъ, указывалъ предусмотрѣнныя наукой соціальныя движенія и перевороты и т. п.... Истымъ питомцемъ нѣмецкихъ университетовъ, по свойству и направленію своего преподаванія, былъ профессоръ всеобщей исторіи М. М. Лунинъ. Вмѣсто общаго курса своего предмета, Лунинъ читалъ курсъ спеціальный, обнимающій ту или другую эпоху, и въ изложеніи входилъ въ самыя мелкія подробности. Слушатели изумлялись обширной начитанности профессора, указывая, между прочимъ, на то, что для лекцій по исторіи Греціи онъ внимательно перечиталъ всего Пиндара и другихъ поэтовъ, дѣлая на поляхъ свои замѣчанія». С-въ говоритъ далѣе, что если въ Харьковѣ того времени для ученыхъ вродѣ Рославскаго-Петровскаго и Лунина была нѣкоторая возможность стоять на уровнѣ науки и работать, благодаря наличности иностранныхъ источниковъ и пособій по ихъ спеціальности, то «далеко не такъ благопріятно было положеніе труженика науки, посвящавшаго себя, на берегахъ Нетечи и Лопани, изученію русской исторіи и русской словесности. Отсутствіе источниковъ, какъ и отсутствіе дѣйствительно ученыхъ пособій, давало себя чувствовать на каждомъ шагу. Пробѣлы въ фактическихъ свѣдѣніяхъ являлись часто по необходимости, а вслѣдствіе этого неизбѣжны были и невѣрности въ выводахъ и приговорахъ» [1]). Въ дополненіе къ характеристикѣ В. А. Якимова можно привести тутъ слова одного изъ недавнихъ историковъ Харьковскаго университета о профессорахъ-словесникахъ въ Харьковѣ въ старое время вообще, что всѣ они «начиная отъ Рижскаго, питали глубокое уваженіе къ языку» и ихъ «всегда привлекала идея широкаго образованія» [2]). Тотъ же авторъ, говоря въ дру-

1) М. Сухомлиновъ. Уничтоженіе диссертаціи Н. И. Костомарова въ 1842 году. Древняя и Новая Россія 1877. I. 42—46.

2) Н. Сумцовъ. Каѳедра исторіи русскаго языка и словесности въ Имп. Харьковскомъ университетѣ съ 1805 по 1905 годъ. Изв. II Отд. А. Н., т. X (1905), кн. 2, стр. 112. 123.

гомъ мѣстѣ о студенческихъ годахъ С-ва, отмѣчаетъ, что «въ научно-просвѣтительной атмосферѣ Харьковскаго университета 40-хъ годовъ было много укрѣпляющихъ и живительныхъ началъ, послужившихъ источникомъ того общаго идеальнаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго развился, воспитался и окрѣпъ цѣлый рядъ полезныхъ дѣятелей науки и просвѣщенія»; ихъ ученикамъ достался въ наслѣдство «разносторонній идеализмъ», который «шелъ рука объ руку съ здравымъ, раціональнымъ пониманіемъ интересовъ науки; всѣмъ имъ соотвѣтственна одна черта—стойкость убѣжденій и независимость духа» [1]). Самъ М. И. сохранилъ отъ этихъ лѣтъ своей жизни благодарныя и живыя воспоминанія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ болѣе позднихъ питомцевъ Харьковскаго университета: «съ какимъ теплымъ чувствомъ и безконечнымъ добродушіемъ онъ вспоминалъ незабвенное время пребыванія своего на университетской скамьѣ и съ какою признательностью останавливался на именахъ лучшихъ своихъ профессоровъ того времени—классика Валицкаго, филолога Срезневскаго, Артемовскаго-Гулака, Протопопова и др. У нихъ онъ заимствовалъ первые зачатки того идеальнаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго развился и окрѣпъ цѣлый рядъ прекрасныхъ и полезныхъ дѣятелей русской науки и просвѣщенія» [2]).

По силѣ возбуждающаго научнаго вліянія изъ университетскихъ наставниковъ С-ва несомнѣнно на первое мѣсто долженъ быть выдвинутъ И. И. Срезневскій, только что (въ сентябрѣ 1842) возвратившійся тогда изъ обширнаго путешествія по славянскимъ землямъ и занявшій вновь основанную въ Харьковѣ каѳедру славистики. Свидѣтельствомъ большого вліянія Срезневскаго на Сухомлинова служитъ не только приведенное уже мною упоминаніе самого М. И-ча о Срезневскомъ, какъ своемъ учителѣ, но и возникшія въ это время между ними, по почину М. И-ча, отношенія, которыя нашли себѣ и въ дальнѣйшемъ самое достойное продолженіе, когда оба они жили и дѣйствовали въ Петербургѣ. Я имѣю въ виду обращеніе С-ва, окончившаго университетскій курсъ

---

1) Къ сорокалѣтнему юбилею служебной и учено-литературной дѣятельности М. И. Сухомлинова. Сборникъ Харьковскаго Ист.-Фил. Общества. IV (1892), стр. 240.

2) А. Ф. Масловскій. Памяти М. И. Сухомлинова, стр. 6.

1848 году [1]), къ И. И. Срезневскому, переѣхавшему уже тогда (въ январѣ 1847) на службу въ Петербургскій университетъ; чувствуя стремленіе къ ученой дѣятельности, но въ то же время, очевидно, мало находя себѣ ободренія отъ мѣстныхъ харьковскихъ словесниковъ, которые къ тому же его и не удовлетворяли въ научномъ смыслѣ, С-въ рѣшилъ первоначально держать магистерскій экзаменъ по славистикѣ въ Петербургскомъ университетѣ, и со этой цѣлію написалъ Срезневскому слѣдующее письмо, которое приводимъ здѣсь цѣликомъ, не только по его біографическому интересу, но и какъ самое раннее изъ сохранившихся, насколько намъ извѣстно, писемъ С-ва:

Милостивый Государь,
Многоуважаемый наставникъ
Измаилъ Ивановичъ!

Никогда еще необходимость въ спасительномъ, животворномъ совѣтѣ просвѣщеннаго руководителя не была такъ глубоко сознаваема мною, какъ въ настоящее время. День окончательнаго экзамена былъ для меня однимъ изъ радостнѣйшихъ дней въ жизни: только съ окончаніемъ университетскаго курса, я могу вполнѣ посвятить себя избранному предмету занятій, съ которымъ искони сродилась мысль моя, который былъ моею любимою мечтою во время студенческой жизни, лишавшей возможности, по разнообразію своихъ требованій, исключительно заниматься тѣмъ, къ чему наболѣе призывало меня разумно-сознательное стремленіе. Но чѣмъ сильнѣе разгоралось желаніе, тѣмъ очевиднѣе становилась невыгода моего положенія, въ которомъ могутъ исчезнуть безъ привѣта самыя восхитительныя надежды, можетъ заглохнуть неудовлетворенною самая страсть къ любимому кругу занятій. Ясное предчувствіе неизбѣжности печальныхъ слѣдствій дало мнѣ смѣлость прибѣгнуть къ Вашему совѣту, просить у Васъ наставленія въ одну изъ самыхъ рѣшительныхъ минутъ моей жизни. Живо и съ полною признательностью вспоминая ту незабвенную пору, когда я имѣлъ счастье лично пользоваться Вашими

1) Кандидатская диссертація его была написана на тему: «О значеніи эпохи Гуса и его послѣдователей въ исторіи европейской цивилизаціи».

совѣтами, глубоко чувствуя Ваше вниманіе, оживлявшее меня къ новымъ трудамъ и дѣятельности, я не долженъ сомнѣваться, что и теперь можетъ встрѣтить Ваше сочувствіе голосъ, быть можетъ, забытаго Вами, но вѣчно признательнаго Вамъ ученика. — Позвольте изложить Вамъ, многоуважаемый наставникъ, скромную повѣсть моихъ надеждъ и плановъ. Вслѣдствіе положительно-обдуманнаго внутренняго призванія, одобреннаго и Вами въ бытность Вашу въ Харьковѣ, я располагаю, если Богъ дастъ, держать экзаменъ на *Магистра Славянской Словесности* въ Петербургскомъ университетѣ. Это было моимъ постояннымъ желаніемъ, и отъ Васъ зависитъ теперь обратить его въ твердую рѣшимость. Убѣдительно прошу Васъ—не оставить своимъ вниманіемъ моей усерднѣйшей просьбы: сообщить Ваше мнѣніе о моемъ намѣреніи, какъ Вы его находите и съ какой точки можетъ взглянуть на него факультетъ въ разныхъ, быть можетъ даже и въ политич[ескомъ], отношеніяхъ? Если же мой планъ заслужитъ Ваше одобреніе, позвольте прибѣгнуть къ Вамъ съ новою, задушевною просьбою — указать мнѣ, какимъ образомъ, по Вашему мнѣнію, полезнѣе вести свое приготовленіе, какими источниками пользоваться преимущественно, на что необходимо обратить особенное вниманіе, занимаясь главнымъ предметомъ избраннаго мною разряда магистра славянской словесности—*церковно-славянск. яз. и главн. слав. нарѣч. (сербск., чешское, польское) въ филологическомъ и историческомъ отношеніяхъ* (какъ сказано въ Правилахъ, Высочайше утвержд. 6 апр. 1844).

Простите, многоуважаемый наставникъ, что, зная обширность круга теперешнихъ Вашихъ занятій, осмѣлился безпокоить Васъ своими просьбами. Бывши личнымъ свидѣтелемъ Вашей готовности руководить пламенными стремленіями къ познаніямъ и по глубокому душевному убѣжденію, осмѣлился у Васъ искать рѣшенія своей сціентифической дѣятельности. Въ книгѣ судьбы моей слѣдуетъ теперь самая загадочная страница,—отъ Васъ зависитъ дать ей смыслъ и содержаніе. Не отвергните просьбы, вызванной изъ глубины души вѣчно преданнаго Вамъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и невыразимой признательности, съ которымъ считаетъ долгомъ пребыть навсегда Вашъ, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга Михаилъ Сухомлиновъ. 3 іюля 1848.

P. S. Прилагаю свой адресъ, если удостоите меня Вашимъ отвѣтомъ: Михаилу Ивановичу Сухомлинову, въ Харьковъ, въ приходѣ Благовѣщенія на Коцарской улицѣ, въ собственномъ домѣ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

Что отвѣчалъ на это Срезневскій, мы не знаемъ [1]). Предположеніе С-ва магистрироваться при Петербургскомъ университетѣ не осуществилось; онъ держалъ магистерскій экзаменъ при Харьковскомъ университетѣ (устно 9 февраля 1850), избравъ спеціальнымъ своимъ предметомъ не славянскую филологію, а русскую словесность. Въ концѣ 1850 года (цензурная помѣта отъ факультета: 30 ноября 1850) была напечатана его диссертація, подъ заглавіемъ «Взглядъ на историческій ходъ Русской драмы. Разсужденіе, написанное кандидатомъ Михаиломъ Сухомлиновымъ для полученія степени магистра Русской словесности. Харьковъ 1850» и защищена 21 декабря въ факультетѣ; утвержденіе въ степени магистра со стороны министра народнаго просвѣщенія послѣдовало 14 марта 1851 года. Письменный отзывъ въ факультетѣ объ этой диссертаціи давали профессора Якимовъ и Костырь, а депутатами отъ другихъ факультетовъ при защитѣ ея были профессора Куницынъ, Демонси и Чернай; оппонентами были Якимовъ и Зернинъ. Самъ М. И. смотрѣлъ впослѣдствіи очень строго на этотъ первый опытъ своего выступленія въ печати и, повидимому, склоненъ былъ совершенно игнорировать «грѣхъ юности», соглашаясь признать началомъ своего служенія наукѣ не дату выхода въ свѣтъ или защиты этой диссертаціи, а 6 марта 1852, когда онъ опредѣленъ былъ адъюнктомъ Петербургскаго университета.

---

1) Здѣсь умѣстно отмѣтить, что вообще кабинетныхъ бумагъ М. И-ча и его домашняго архива не сохранилось. Объ этомъ извѣстно было по слухамъ еще при жизни С-ва, при чемъ причиной будто бы массоваго уничтоженія всего этого матеріала выставлялись минуты мрачнаго душевнаго настроенія М. И-ча въ началѣ 80-хъ годовъ, послѣ потери единственной отъ перваго брака и горячо любимой дочери Елены (ум. 1 февр. 1882) [Ср. П. Симони. М. И. Сухомлиновъ. Некрологическій очеркъ. 1828—1901. Литературный Вѣстникъ 1901, II, стр. 217]. Однако и въ послѣдующіе годы М. И-чъ не сохранялъ своей обширной переписки, о чемъ сообщили мнѣ его дочери отъ второго брака, О. М. и Т. М. Сухомлиновы.

II. Поступленіе на службу въ Петербургѣ.

Если еще до магистерскаго экзамена С-въ не удовлетворялся Харьковомъ и искалъ выхода своимъ научнымъ интересамъ на болѣе широкое поприще, то тѣмъ менѣе могъ успокоиться онъ въ этомъ отношеніи по пріобрѣтеніи магистерской степени. На помощь ему явились счастливыя внѣшнія обстоятельства. Въ іюнѣ 1850 года объявленъ былъ конкурсъ на замѣщеніе должности адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности въ Петербургскомъ университетѣ. С-въ подалъ прошеніе о разрѣшеніи участвовать въ конкурсѣ на имя Ректора, отъ 24 августа 1851 года, присоединивъ къ прошенію и «программу по теоріи языка, теоріи словесности и исторіи русской литературы»; самый же конкурсъ состоялся лишь въ январѣ 1852 года. Явившись къ этому времени въ Петербургъ, М. И-чъ, по словамъ одного біографа [1]), будто бы колебался между будущей профессурой и «мѣстомъ секретаря при попечителѣ и директорѣ департамента народнаго просвѣщенія», но, имѣя въ виду напряженное стремленіе С-ва къ наукѣ, нашедшее себѣ самое искреннее выраженіе въ приведенномъ письмѣ къ Срезневскому, мы сомнѣваемся въ фактѣ подобнаго съ его стороны колебанія.

На университетскій конкурсъ явилось четыре участника, кромѣ С-ва: Стефанъ Лебедевъ, магистръ и адъюнктъ по каѳедрѣ русской словесности въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ; Николай Вышнеградскій, магистръ и старшій учитель Ларинской гимназіи; Иринархъ Введенскій, старшій учитель словесности въ Дворянскомъ Полку, кандидатъ философіи, выдержавшій устный экзаменъ на степень магистра и небезызвѣстный въ то время литераторъ; Константинъ Тимофеевъ, кандидатъ, приступившій къ магистерскому экзамену осенью 1851 года. Испытаніе, которому должны были подвергнуться конкуренты, состояло изъ письменныхъ и устныхъ отвѣтовъ въ факультетѣ и изъ пробныхъ лекцій. Послѣднія происходили публично, и о нихъ намъ сохранили извѣстія А. В. Никитенко и А. Н. Пыпинъ—первый какъ профессоръ, а второй какъ студентъ. Вотъ что записалъ въ своемъ Дневникѣ Никитенко подъ

---

1) А. Ф. Масловскій, назв. соч., стр. 7.

16 января 1852: «Пробныя лекціи на должность моего адъюнкта въ университетѣ. Состязались четыре кандидата. Темою было: «О слогѣ вообще и о русскихъ писателяхъ, образовавшихъ литературныя школы въ нашей словесности». Первый читалъ Лебедевъ — основательно, но крайне сухо. Второй — М. И. Сухомлиновъ: опять основательно, но въ то же время умно и живо. На этихъ двухъ лекціяхъ присутствовалъ и министръ. Затѣмъ И. И. Введенскій также выказалъ достаточно свѣдѣній, но изложилъ ихъ неосновательно, непослѣдовательно, съ наѣзднически-семинарскимъ ухарствомъ... Тимофеевъ говорилъ также очень хорошо. Общее мнѣніе, кромѣ интригующихъ за Введенскаго, въ пользу Сухомлинова и Тимофеева, и особенно склоняется въ пользу перваго» [1]). А. Н. Пыпинъ вспоминалъ потомъ объ этомъ такъ: «Конкуренты должны были указать свои ученые труды, а кромѣ того они должны были прочитать пробную лекцію. Этому послѣднему я былъ свидѣтелемъ. Конкурентовъ было трое: М. И. Сухомлиновъ, Введенскій и нѣкто Тимофеевъ [2]); лекція была прочитана въ большой аудиторіи, въ присутствіи факультета и при большой массѣ слушателей—студентовъ. Лекція Сухомлинова была очень гладкая, съ нѣкоторыми оригинальностями; лекція Тимофеева была слабая; но самое сильное впечатлѣніе оставила лекція Введенскаго» [3]). Рѣшеніе участи конкурентовъ послѣдовало въ засѣданіи факультета 19 января. Объ этомъ мы опять имѣемъ свидѣтельство Никитенка въ его Дневникѣ: «19 янв. 1852. Факультетское собраніе для выбора адъюнкта. Я прочиталъ мое донесеніе о достоинствѣ программъ, представленныхъ соискателями. Потомъ приступили къ выбору. Сперва спросили моего мнѣнія. Я назвалъ двухъ: Сухомлинова и Тимофеева, но преимущество отдалъ первому, хотя второй ближе моему сердцу, какъ мой ученикъ и близкій человѣкъ. Но за Сухомлинова—широта взглядовъ и, при равныхъ познаніяхъ, большая даровитость и изящество въ изложеніи. Ректоръ и всѣ прочіе согласились со мной, кромѣ М. И. Кастор-

1) А. В. Никитенко. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ. Записки и Дневникъ. Т. I (1904), стр. 400—401.

2) Очевидно, Лебедева Пыпинъ не слышалъ, придя позднѣе, или просто забылъ о немъ по давности времени.

3) А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. М. 1910, стр. 75—76.

скаго, который очень неловко защищалъ Введенскаго... Срезневскій колебался между той и другой стороной. Въ заключеніе однако побѣда, какъ и слѣдовало по справедливости, осталась за Сухомлиновымъ. Съ нимъ вмѣстѣ торжествую и я. Вся моя забота состояла въ томъ, чтобы не допустить науку попасть въ руки буквовѣдовъ, которые непремѣнно постарались бы вытрясти изъ нея жизнь и душу и затѣмъ потѣшались бы надъ трупомъ ея, дѣлая свои анатомическіе и филологическіе препараты». Черезъ два дня въ томъ же Дневникѣ записано: «21 янв. Факультетъ очень занятъ моимъ донесеніемъ о программахъ [т. е. представленныхъ конкурентами] и осыпаетъ его похвалами. Это хорошо, но еще лучше то, что каѳедра по дорогому для меня предмету, отечественной словесности, попала въ руки ученаго, который не унизитъ ея достоинства» [1]). Таковы были надежды, возлагавшіяся на С-ва его предшественникомъ по каѳедрѣ и доброжелателемъ въ Петербургскомъ университетѣ. Въ силу факультетскаго избранія, М. И. былъ назначенъ, высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству 6 марта 1852, адъюнктомъ, а 13 марта того же года принялъ служебную присягу въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Получивъ при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ университетскую каѳедру, хотя пока лишь въ качествѣ младшаго ея представителя при А. В. Никитенкѣ, М. И. съ жаромъ и добросовѣстностью принялся за выполненіе своихъ преподавательскихъ обязанностей; онъ читалъ студентамъ лекціи по теоріи языка и исторіи древней русской литературы, внося въ свои курсы строго-ученое направленіе и обиліе новыхъ фактическихъ данныхъ, которыя онъ черпалъ изъ знакомства съ рукописными сокровищами петербургскихъ книгохранилищъ [2]). Въ тѣсной связи съ курсами С-ва началась и учено-литературная дѣятельность его, подъ покровомъ Академіи Наукъ—очевидно, благодаря содѣйствію И. И. Срезневскаго: первымъ такимъ трудомъ была статья «Вассіанъ, русскій писатель XV вѣка», напечатанная во II т. Извѣстій II Отдѣленія Академіи

---

1) Никитенко, I. 401.

2) В. Григорьевъ. Императорскій С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Спб. 1870, стр. 240—241.

Наукъ въ 1853 году. Одновременно съ этимъ, онъ несъ обязанности секретаря историко-филологическаго факультета со 2 іюня 1852 по 30 мая 1855 и съ 13 іюня 1856 по 10 мая 1858, когда онъ долженъ былъ отправиться въ продолжительную заграничную командировку; 27 октября 1852 года онъ былъ назначенъ преподавать русскую словесность въ одномъ изъ высшихъ классовъ Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, гдѣ и оставался до мая 1855 года; въ 1853—1854 уч. году состоялъ экзаменаторомъ по русскому языку въ комитетѣ для испытанія домашнихъ учителей и учительницъ; въ 1856 году преподавалъ русскій языкъ во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, а 9 января 1857 назначенъ былъ наставникомъ-наблюдателемъ по предмету русскаго языка и словесности въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Общественно-ученыя связи С-ва существеннымъ образомъ расширились избраніемъ его 29 декабря 1855 года въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ, а 23 января 1857 года — въ дѣйствительные члены Русскаго Географическаго Общества: вѣрнѣе всего, что и тутъ сказалось расположеніе къ нему Срезневскаго, которому именно въ эти годы принадлежала весьма видная роль въ ученыхъ и организаціонныхъ работахъ по тому и другому учрежденію; вмѣстѣ съ тѣмъ, первое избраніе было для С-ва началомъ его болѣе тѣсныхъ связей съ учрежденіемъ, которому въ послѣдующіе годы онъ посвятилъ главнымъ образомъ, а наконецъ и исключительно, свои учено-литературныя силы.

Пока же его вниманіе естественнымъ образомъ было сосредоточено на университетѣ.

Съ одной стороны, помимо преподаванія, онъ усердно работалъ надъ докторской диссертаціей, чтобы обезпечить себѣ возможность въ ближайшемъ будущемъ, по выходѣ въ отставку А. В. Никитенка, право на званіе профессора. Это было, какъ извѣстно, его изслѣдованіе «О лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ» (Спб. 1856), доставившее С-ву степень доктора славяно-русской филологіи. До публичной защиты диссертаціи, С-въ долженъ былъ подвергнуться предварительной ея защитѣ въ факультетѣ, что имѣло мѣсто 14 февраля 1856, а затѣмъ устному и письменному испытанію, допущеніе къ которому было результатомъ признанія со стороны факультета предварительной защиты диссертаціи

удовлетворительной. Устное испытаніе происходило въ засѣданіяхъ факультета 15 и 22 февраля—по исторіи русскаго языка и литературы, по церковно-славянскому языку и по славянскимъ нарѣчіямъ и литературамъ. Въ первомъ засѣданіи предложены были вопросы «О характерѣ и направленіи русской литературы и замѣчательнѣйшихъ писателяхъ вѣка Екатерины II» и «Объ измѣненіи и постепенномъ развитіи литературнаго языка отъ Ломоносова до Жуковскаго включительно», а во второмъ—«Обозрѣніе особенностей древняго славянскаго языка, съ обозначеніемъ видоизмѣненій его по нарѣчіямъ: церковно-славянскому, древнему чешскому, древнему русскому и древнему хорутанскому» и «Особенности древняго польскаго языка по памятникамъ XIV вѣка». Затѣмъ, 2 и 8 марта экзаменующійся давалъ письменные отвѣты на темы «О славянскихъ древнихъ переводахъ твореній св. Отцовъ» и «О произведеніяхъ Пушкина, отличающихся характеромъ народности». Публичная защита диссертаціи происходила 1 апрѣля 1856; оппонентами были профессора Никитенко и Касторскій, а депутатами — отъ юридическаго факультета Шнейдеръ, отъ физико-математическаго Сомовъ и отъ восточнаго Мухинскій. Утвержденіе С-ва въ степени доктора славяно-русской филологіи послѣдовало со стороны Совѣта университета 9 апрѣля 1856. О самомъ диспутѣ проф. Никитенко такъ записалъ въ своемъ Дневникѣ: «1 апр. 1856. Диспутъ въ университетѣ, которому подвергся мой адъюнктъ М. И. Сухомлиновъ, ищущій степени доктора. Оппонентами были я и Касторскій. Авторъ защищалъ свою диссертацію «О литературномъ характерѣ древней русской лѣтописи». Тутъ много фактовъ. Защищался авторъ хорошо» [1]). Въ офиціальномъ отчетѣ объ этомъ диспутѣ также отмѣчено, что «диспутантъ съ большимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла отражалъ дѣланныя на него нападенія и съ честью вышелъ изъ этой ученой борьбы» [2]).

Съ другой стороны, М. П. охотно шелъ на встрѣчу научнымъ и литературнымъ потребностямъ и стремленіямъ студентовъ. Популярность его среди университетскихъ студентовъ, быстро пріобрѣтенная живымъ

---

1) Моя повѣсть о самомъ себѣ, I. 475.
2) Ж. М. Н. Пр. 1856, апрѣль, отд. VII, стр. 22—23.

и отзывчивымъ личнымъ характеромъ, свѣжестью и увлекательностью преподаванія, наконецъ—возроставшей ученой репутаціей, не подлежала никакому сомнѣнію и нашла себѣ отраженіе даже въ извѣстныхъ, исполненныхъ блестящаго сарказма и ироніи, воспоминаніяхъ Д. И. Писарева («Наша университетская наука»), также находившагося въ числѣ слушателей С-ва. Поэтому нисколько не удивительно, что когда въ 1856 году, подъ вліяніемъ всеобщаго литературнаго и общественнаго подъема въ то время, студенты Петербургскаго университета задумали издавать сборникъ собственныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, на что 30 янв. 1857 года было получено разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія, то «профессоромъ-редакторомъ» сборника, «по единодушному желанію студентовъ», избранъ былъ М. И. Сухомлиновъ; онъ работалъ во главѣ редакціи, составленной изъ 12 студентовъ-редакторовъ, избранныхъ также студентами [1]). Дѣло это было нелегкое: требовалось не только внести извѣстное единство въ молодую и увлекающуюся среду и направить ея энергію къ довольно сложной и отвѣтственной цѣли, что вполнѣ успѣшно было выполнено профессоромъ-редакторомъ, но приходилось считаться также съ непріятностями и разочарованіями. Какъ сообщаетъ А. В. Никитенко, былъ случай довольно крупнаго воровства редакціонныхъ денегъ однимъ изъ молодыхъ редакторовъ, вслѣдъ за тѣмъ скрывшимся, а также и другихъ неблаговидныхъ поступковъ, о чемъ самъ С-въ «съ горестью» разсказывалъ автору Дневника [2]). Однако все обошлось наилучшимъ образомъ, и общее сочувствіе студентовъ С-ву нашло себѣ выраженіе въ слѣдующей замѣткѣ въ Сборникѣ по поводу отъѣзда М. И-ча въ 1858 году въ заграничную командировку: «Въ маѣ уѣхалъ изъ Петербурга М. И. Сухомлиновъ, провожаемый толпою благодарныхъ ему студентовъ. Эта благодарность была имъ вполнѣ заслужена. Изданіе Сборника было еще мечтою, когда онъ, вмѣстѣ со студентами, взялся за осуществленіе этой мысли. Онъ дѣйствовалъ полный энергіи и любви къ общему дѣлу; онъ былъ нашимъ первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необхо-

1) Сборникъ, издаваемый студентами Импер. С.-Петербургскаго Университета. Вып. I. 1857, стр. 383—384.

2) Моя повѣсть о самомъ себѣ (подъ 6 дек. 1857), I. 497.

димымъ руководителемъ въ новомъ для насъ дѣлѣ; подъ его руководствомъ основалась и касса для вспоможенія нашимъ недостаточнымъ товарищамъ. Такимъ образомъ, избранный студентами въ профессора-редактора, онъ вполнѣ оправдалъ ихъ довѣріе; они доказывали ему это и фотографіей его портрета и не разъ высказанною общею благодарностью» [1]). Упоминаемый здѣсь портретъ М. И-ча былъ дѣйствительно воспроизведенъ литографически и, повидимому, имѣлся въ виду для помѣщенія при III вып. «Сборника», который однако же въ свѣтъ не выходилъ: такимъ образомъ, и портретъ С-ва остался неопубликованнымъ [2]).

Во время лѣтнихъ вакацій 1853—1856 годовъ М. И. неизмѣнно бралъ отпуски на поѣздку къ роднымъ въ Харьковскую и въ Московскую губерніи.

III. Первая командировка за границу.

Проработавъ пять лѣтъ съ возрастающимъ успѣхомъ въ качествѣ академическаго преподавателя и ученаго писателя, С. почувствовалъ необходимость умственнаго освѣженія и дальнѣйшаго расширенія своего научнаго горизонта, и средствомъ для этого почелъ продолжительное за-

---

1) Сборникъ. Вып. II. 1860. Лѣтопись внутренней жизни университета, стр. 6.

2) На любезно сообщенномъ намъ Б. Л. Модзалевскимъ и воспроизведенномъ при настоящей статьѣ экземплярѣ этого портрета надписано, что онъ «изданъ студентами-филологами Спб. Университета по почину Л. Н. Модзалевскаго». Л. Н. Модзалевскій, извѣстный впослѣдствіи педагогъ и писатель, бывшій слушателемъ С-ва въ университетѣ, сообщаетъ въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ о М. И-чѣ слѣдующія свѣдѣнія: «Самымъ близкимъ и вліятельнымъ профессоромъ, душою филологовъ въ концѣ 50-хъ годовъ былъ тогда еще молодой, скромный и замѣчательно трудолюбивый М. И. Сухомлиновъ, преподававшій сравнительную грамматику, древне-русскую литературу и русскія древности. Около него преимущественно группировались тогдашніе, столь еще не многочисленные филологи, а отчасти студенты и иныхъ факультетовъ, питавшіе интересъ къ литературнымъ занятіямъ... Существовали также между филологами такъ называемыя литературныя бесѣды, происходившія сперва въ помѣщеніи самого университета, а затѣмъ, благодаря поддержкѣ учебнаго начальства, въ залѣ 5-ой гимназіи. На этихъ бесѣдахъ бывалъ и М. И. Сухомлиновъ, бывшій душою и этого предпріятія» (Изъ педагогической автобіографіи Льва Николаевича Модзалевскаго. Спб. 1899, стр. 18).

граничное путешествіе, съ ученой цѣлію, на западъ и въ славянскія земли. Мотивы этого своего рѣшенія изложилъ онъ въ особой запискѣ, переданной въ факультетъ весною 1857 года, въ качествѣ матеріала для исходатайствованія командировки передъ министерствомъ. Приводимъ ее здѣсь цѣликомъ:

«Въ кругъ университетскаго преподаванія русской словесности входятъ слѣдующіе предметы: 1) Теорія русскаго языка, въ связи съ теоріею языка вообще, 2) Теорія словесности и 3) Исторія русской литературы.

I. *Теорія языка.* Въ тѣснѣйшей связи съ русскимъ языкомъ находятся языки славянскіе. Ученое знаніе русскаго языка невозможно безъ изученія славянскихъ нарѣчій. Эта неоспоримая истина признана какъ учеными, такъ и самимъ высшимъ начальствомъ, что видно изъ Положенія объ ученыхъ степеняхъ, по коему отъ Магистра и Доктора русской словесности требуются познанія и въ славянскихъ нарѣчіяхъ. — Центромъ славянской учености служитъ Прага; въ ней имѣютъ мѣстопребываніе замѣчательнѣйшіе изъ славянскихъ филологовъ, во главѣ коихъ стоитъ знаменитый Шафарикъ. Весьма важно то обстоятельство, что славянскіе филологи занимаются изслѣдованіемъ преимущественно древняго періода языка, когда между славянскими нарѣчіями существовало весьма близкое сходство, вслѣдствіе котораго знаніе одного изъ нарѣчій ведетъ къ уразумѣнію свойствъ другого.

Сверхъ изученія славянскихъ нарѣчій, для изложенія теоріи языка сообразно съ современнымъ состояніемъ науки рѣшительно необходимо ознакомиться съ развитіемъ филологіи вообще. Представителями современной европейской филологіи справедливо почитаются: Гриммъ, Поттъ, Бопъ и другіе ученые, живущіе въ Берлинѣ и открывающіе тамъ свои курсы. Другимъ важнымъ пунктомъ филологической дѣятельности служитъ Вѣна. Въ собраніяхъ вѣнскихъ ученыхъ рѣшаются существенные вопросы по филологіи вообще и по славянской въ особенности.

II. *Теорія словесности.* Университетское изложеніе теоріи словесности требуетъ непремѣнно полнаго знакомства съ состояніемъ ея у тѣхъ изъ европейскихъ народовъ, у которыхъ она достигла наибольшаго развитія, а именно у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ. Это зна-

комство тѣмъ необходимѣе для русскаго ученаго, что нѣтъ возможности дойти до вѣрныхъ результатовъ въ теоріи словесности, если ограничиться произведеніями одной русской литературы. Подтвержденіемъ сказанному служатъ попытки авторовъ, незнакомыхъ съ европейскими литературами, изложить теорію словесности. Они приходили къ заключеніямъ одностороннимъ и ложнымъ; унижая заслуги предшествовавшихъ писателей, придавали несправедливое значеніе нѣкоторымъ изъ современныхъ и ставили ихъ выше Данта, Кольдерона, Шекспира.

Существенная польза для каѳедры русской словесности, происходящая отъ основательнаго знакомства профессора русской словесности съ иностранными литературами, признана и министерствомъ въ слѣдующемъ его распоряженіи: при отправленіи за границу молодыхъ людей изъ прежняго Педагогическаго Института, въ число ихъ включенъ и Бутырскій, составившій себѣ извѣстность какъ профессоръ русской словесности. Пребываніе его за границею оказало благотворное вліяніе на его профессорскіе труды — на преподаваніе имъ русской словесности.

III. *Исторія русской литературы.* Не только для теоріи словесности, но и для исторіи собственно русской словесности необходимо знаніе литературъ иностранныхъ. Эта необходимость опредѣляется самою исторіею русской литературы. Изученіе нашей народной словесности и произведеній такого рода, какъ «Слово о Полку Игоревѣ», должно быть связано съ изученіемъ средневѣковой европейской поэзіи. Въ XVIII столѣтіи на нашу словесность имѣла сильное вліяніе французская литература, въ XIX вѣкѣ—литература нѣмецкая.

Между русскими литературными произведеніями прошлаго столѣтія и памятниками французской литературы XVII—XVIII в.—много общаго: образцами лирической, эпической и драматической поэзіи служили для нашихъ писателей произведенія поэтовъ французскихъ. Сравнительное изученіе твореній французской и русской литературы укажетъ надлежащую точку зрѣнія на нашихъ старинныхъ писателей. Подъ общимъ названіемъ послѣдователей ложнаго классицизма, наши старинные писатели подвергаются несправедливому осужденію. Вѣрная оцѣнка ихъ возможна только посредствомъ сравненія ихъ съ западно-европейскими

образцами и посредствомъ историческаго направленія въ литературныхъ изслѣдованіяхъ. А именно такое направленіе получила въ настоящее время обработка литературы, какъ науки, въ Европѣ. Достойнѣйшіе изъ современныхъ ученыхъ сосредоточиваютъ свои занятія одни—на средневѣковой литературѣ, другіе—на литературѣ XVII—XVIII в. Труды ихъ бо́льшею частью не изданы; но по отзывамъ о нихъ слушателей и ученыхъ журналовъ, можно судить, какой высокій интересъ представляютъ они для науки словесности. Для русскаго ученаго они важны уже по тому одному, что предлагаютъ отчетливый и безпристрастный разборъ произведеній, служившихъ образцами для русскихъ писателей. Отсюда открывается необходимость посѣщенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ романскія литературы изучаются въ наибольшей полнотѣ. Прежде всего необходимо ознакомиться съ курсомъ романскихъ литературъ въ Парижѣ. Что же касается до посѣщенія другихъ мѣстъ и самаго распредѣленія занятій, то для этого должно прибѣгнуть къ совѣтамъ и указаніямъ Дица, перваго въ наше время знатока романскихъ языковъ и литературъ.

Въ XIX столѣтіи на русскую словесность оказывала и оказываетъ вліяніе литература нѣмецкая. Чтобы представить этому доказательство наиболѣе ясное и неоспоримое, довольно указать на Жуковскаго. Съ Жуковскимъ начинается новый и блестящій періодъ русской литературы, который можетъ быть оцѣненъ вполнѣ только по сравненіи произведеній Жуковскаго съ поэтическими твореніями Германіи, которыя переданы имъ и усвоены русской литературѣ.

Такимъ образомъ, для адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности необходимо посѣщеніе Праги, Берлина, Вѣны, Парижа и тѣхъ изъ европейскихъ городовъ, которые указаны будутъ Гриммомъ, Шафарикомъ, Дицомъ. Не всѣ изъ названныхъ ученыхъ и не всякій годъ открываютъ курсы; но не столько курсы, сколько живая бесѣда съ представителями европейской науки — въ высшей степени благотворны для ученаго. Въ живой бесѣдѣ онъ ознакомится не только съ результатами науки, но и съ самымъ процессомъ созиданія тѣхъ истинъ, которыя составляютъ драгоцѣнное достояніе европейскаго просвѣщенія. Не одни главныя основанія науки, но и множество новыхъ точекъ зрѣнія, новыя стороны въ предметѣ откроетъ живая бесѣда съ двигателями науки. Путешествіе за гра-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных наук
Академии Наук СССР

ницу съ ученою цѣлію, будучи существенно полезно для филолога вообще, является рѣшительною необходимостью для профессора филологіи и словесности въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Во-первыхъ, въ университетъ вступаютъ молодые люди съ лучшимъ приготовленіемъ и бо́льшимъ запасомъ свѣдѣній, нежели поступающіе въ провинціальные университеты; во-вторыхъ, самыя требованія отъ профессора строже и обширнѣе въ столицѣ, какъ въ центрѣ ученой и литературной дѣятельности.

[Дѣло Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета. Объ опредѣленіи и службѣ адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности Сухомлинова. Нач. 19 марта 1852. № 28. Архивъ Университета].

Содержаніе этой записки буквально и почти въ цѣломъ видѣ было включено факультетомъ въ его представленіе въ Совѣтъ Университета, отъ 28 марта 1857 года; Совѣтъ, отъ 27 апрѣля того же года, ходатайствовалъ передъ попечителемъ о командированіи С—ва за границу на годъ съ 15 октября 1857 по 15 октября 1858 г. Однако попечитель, ссылаясь на сдѣланныя уже до сего времени за границу командировки профессоровъ С.-Петербургскаго университета. предложилъ отложить это ходатайство о С—вѣ на годъ; тогда Совѣтъ, 31 января 1858, повторилъ свое ходатайство, и на этотъ разъ оно увѣнчалось успѣхомъ: 29 апрѣля состоялось высочайшее повелѣніе о командированіи С — ва на годъ, т. е. по май 1859 года, за границу, при чемъ, сверхъ сохраненія содержанія, ему было выдано тысячу рублей на путевыя издержки.

Отправляясь въ маѣ 1858 года за границу, С—въ не имѣлъ передъ собою сколько-нибудь точнаго, въ топографическомъ смыслѣ, плана своего путешествія; онъ видѣлъ цѣль этой поѣздки по существу и только въ общихъ очертаніяхъ. Вступивъ на заграничную почву въ Боннѣ, Гейдельбергѣ и Цюрихѣ, познакомившись и поговоривъ съ виднѣйшими тогда представителями историческаго и эстетическаго изученія литературы въ области нѣмецкой науки, Гервинусомъ и Фишеромъ, С—въ могъ уже начертать для себя болѣе ясную программу своего будущаго путешествія: оказалось, что для выполненія этой программы годичный срокъ командировки слишкомъ недостаточенъ, нужно было время вдвое большее, и 30 сен-

тября (ст. с.) 1858 года М. И. отправилъ въ факультетъ, изъ Мюнхена, слѣдующее прошеніе, въ которомъ, изложивъ планъ предстоящаго путешествія, ходатайствовалъ о продленіи ему командировки до 1 сентября 1860 года:

Въ Историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета.

Адъюнкта Сухомлинова

Донесеніе.

По представленію историко-филологическаго факультета, я командированъ на годъ, считая съ мая 1858 года, за границу съ ученою цѣлью. Мнѣ вмѣнено въ обязанность ознакомиться съ современнымъ состояніемъ и съ характеромъ преподаванія тѣхъ предметовъ, изученіе которыхъ составляетъ существенное условіе полнаго и основательнаго филологическаго и литературнаго образованія. Такъ какъ я пріѣхалъ за границу уже во второй половинѣ лѣтняго семестра, а съ августа наступили въ университетахъ каникулы, то я долженъ былъ посвятить время свое преимущественно занятіямъ въ библіотекахъ и обозрѣнью замѣчательнѣйшихъ собраній произведеній изящныхъ искусствъ. Изъ ученыхъ, я всего болѣе пользовался совѣтами Гервинуса и Фишера. Гервинусъ — представитель историческаго направленья въ изученіи словесности, какъ науки. Фишеръ, профессоръ Цюрихскаго университета, признается первымъ эстетикомъ нашего времени. Совѣты ихъ и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, а также и собственное мое знакомство съ устройствомъ университетовъ и ученыхъ обществъ дало мнѣ возможность составить точный планъ своего путешествія, который и имѣю честь представить на утвержденіе факультета. Планъ путешествія слѣдующій. Для добросовѣстнаго исполненія возложенной на меня обязанности мнѣ необходимо посѣщать лекціи послѣдовательно, чтобы въ одинъ семестръ заняться преимущественно филологіею, въ другой — исторіею литературы и теоріею словесности, въ третій — эстетикою. Для филологіи особенно полезно пребываніе въ Берлинѣ, гдѣ живетъ патріархъ филологіи Яковъ Гриммъ и читаютъ лекціи многіе изъ его послѣдователей и учениковъ, пользующихся европейскою извѣстностію. Сверхъ того, мнѣ необходимо нѣсколько мѣсяцевъ

провести въ Прагѣ, какъ средоточіи славянской филологіи, безъ которой невозможно истинно-ученое образованіе русскаго филолога. Для исторіи литературы необходимо пребыванье въ Парижѣ. Изученье литературы въ наше время приняло сравнительное направленіе; романскія литературы съ блестящимъ успѣхомъ разрабатываются въ Парижѣ въ связи съ германскими. Памятники древней русской литературы во многихъ чертахъ своихъ объясняются посредствомъ строго-ученаго сравненія съ памятниками средневѣковыхъ литературъ западныхъ народовъ, какъ доказываютъ это новѣйшія изслѣдованія знатоковъ русской старины. Теорія словесности съ особенною полнотою, основательностью и глубиною преподается знаменитымъ Вакернагелемъ, профессоромъ Базельскаго университета, а эстетика — профессоромъ Фишеромъ. Выслушать курсъ эстетики тѣмъ необходимѣе, что эстетика тѣсно связана съ исторіей философіи, которая въ нашихъ университетахъ съ нѣкотораго времени не преподается. Всѣ изложенныя мною причины указываютъ необходимость пребыванія моего въ слѣдующихъ городахъ: Берлинѣ, Парижѣ, Прагѣ, Базелѣ, Цюрихѣ, и посѣщенія лекцій Вакернагеля, Гримма, Шлейхера, Фишера и другихъ ученыхъ. Такъ какъ для надлежащаго исполненія даннаго мнѣ порученія оставшійся мнѣ полугодовой срокъ слишкомъ недостаточенъ, то я имѣю честь покорнѣйше просить историко-филологическій факультетъ исходатайствовать продолженіе моей командировки до 1 сентября 1860 года. Я потому долженъ просить объ этомъ заблаговременно, что для ученаго путешествія необходимъ точный и правильный планъ, который нельзя составить, не зная точно времени, назначаемаго для путешествія. До сихъ поръ я прожилъ преимущественно въ Гейдельбергѣ, пользуясь учеными совѣтами Гервинуса и богатыми средствами Гейдельбергской библіотеки, и въ Мюнхенѣ, занимаясь, подъ руководствомъ профессоровъ университета, изученіемъ памятниковъ искусства, собранныхъ въ двухъ пинакотекахъ и глиптотекѣ. Сверхъ того, я прожилъ нѣсколько времени въ Цюрихѣ, всего болѣе въ Женевѣ и въ Лозаннѣ: въ тамошнихъ библіотекахъ много любопытныхъ памятниковъ французской литературы XVIII вѣка, имѣвшей такое сильное вліяніе на русскую.

Считаю нужнымъ присовокупить, что отсутствіе мое до 1 сентября 1860 года не нанесетъ ни малѣйшаго ущерба преподаванію. Препода-

ваніе словесности распредѣлено такъ: въ 1 и 3 курсахъ читаю обыкновенно я, а во 2 и 4—А. В. Никитенко. Въ прошломъ же году я читалъ и студентамъ 2 курса то, что читалъ бы въ этомъ году, если бы былъ въ Петербургѣ; студентамъ же будущаго 3 курса, т. е. 1859—1860, я прочту курсъ свой по переходѣ ихъ въ четвертый курсъ, т. е. въ 1860—1861 году. Слѣдовательно, предметъ будетъ прочитанъ имъ во всей полнотѣ во время ихъ пребыванія въ университетѣ.

Имѣю честь покорнѣйше просить Историко-филологическій факультетъ представить о продолженіи моей командировки совершенно на тѣхъ же условіяхъ, какъ сдѣлано факультетомъ представленіе и о самой моей командировкѣ.—Адресъ мой, по мѣрѣ перемѣны мѣстопребыванія, буду имѣть честь сообщать, для доставленія факультету, г. Секретарю ист.-фил. факультета.

Адъюнктъ Сухомлиновъ.

$\frac{30\text{ сентября}}{12\text{ октября}}$ 1858, Мюнхенъ.

[Дѣло Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета. № 28].

Факультетъ отнесся вполнѣ сочувственно къ просьбѣ С—ва и исходатайствовалъ ему продленіе заграничной командировки до желаемаго срока. Кромѣ приведеннаго донесенія отъ $\frac{30\text{ сентября}}{12\text{ октября}}$ 1858, С—вымъ послано было въ факультетъ еще три «донесенія», изъ которыхъ два мы приводимъ ниже (изъ Праги и Парижа); на третье же, трактующее о путешествіи С—ва въ Англію, Голландію и Бельгію, указываетъ деканъ И. И. Срезневскій въ своемъ представленіи въ Совѣтъ Университета, отъ 4 мая 1860 года, но этого донесенія С—ва въ дѣлахъ университетскаго архива не оказалось.

Въ Историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета.

Адъюнкта Сухомлинова

Донесеніе.

Все время, со дня послѣдняго отчета моего факультету, я провелъ въ славянскихъ земляхъ, посѣщая какъ города, такъ и села. Въ главныхъ городахъ я имѣлъ цѣлью познакомиться съ учебными заведеніями, библіо-

теками и литературною дѣятельностью, сосредоточенною въ столицахъ; посѣщенье мною селъ знакомило меня съ народнымъ бытомъ, языкомъ и произведеніями словесности, живущими въ разсказахъ и пѣсняхъ народа. Устная словесность славянскихъ племенъ тѣмъ болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе, что изданные до сихъ поръ сборники пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и т. д. далеко не исчерпываютъ ея богатства.

Путешествіе свое я началъ съ Праги. Пражскіе ученые занимаются изслѣдованіями не только по части языка и литературы чешской, но вообще въ области языковъ и литературъ славянскихъ, какъ это можно видѣть изъ ученыхъ статей, помѣщаемыхъ въ «Часописѣ» Чешскаго Музеума. Въ пражскомъ университетѣ преподаются на чешскомъ языкѣ: исторія чешской литературы и отчасти политическая исторія. Въ прошломъ семестрѣ профессоръ Гаттала читалъ: объ образованіи словъ въ чешскомъ и вообще въ славянскихъ языкахъ, о звукахъ и формахъ церковно-славянскаго языка и разбиралъ Любушинъ Судъ — o tvoření slov ve slovančině vůbec a v češtině zvláště; srovnávací nauka o hláskách a ohýbání slov ve staře češtině a bulharštině čili cyrillštině; všestranný rozbor Libušina soudu. Профессоръ Томекъ читалъ по чешски: исторію Австріи отъ Вестфальскаго мира до конца Семилѣтней войны, а по нѣмецки: древнѣйшую исторію Чехіи, по источникамъ, какъ упражненіе въ исторической критикѣ. Изъ ученыхъ, не читающихъ лекцій въ университетѣ, особеннымъ вліяніемъ пользуются Шафарикъ и Эрбенъ. Изъ многихъ важныхъ замѣчаній и указаній, сообщенныхъ Шафарикомъ въ устной бесѣдѣ, укажу на мнѣніе его о способѣ изданія древнихъ рукописей, о которомъ существуютъ у насъ различныя мнѣнія; одни полагаютъ, что главною задачею издателя должна быть точность и самое полное сходство съ текстомъ рукописи; другіе, напротивъ того, считаютъ нужнымъ исправлять ошибки переписчиковъ, придавая тексту, по возможности, тотъ видъ, который онъ долженъ былъ имѣть по свойству тогдашняго языка и смыслу содержанія, а не по прихоти писцовъ. Шафарикъ утверждаетъ, что при изданіи памятниковъ необходимо возстановлять текстъ, а не буквально копировать рукопись, потому что если и спеціалисты-издатели откажутся исправлять искаженное, то тѣмъ менѣе могутъ взять на себя этотъ трудъ читатели, и изданіе рукописи достиг-

нетъ цѣли только вполовину. Шафарикъ указываетъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, на изданія древнихъ классиковъ, приготовляемыя по многимъ рукописямъ и со многими и основательными конъектурами. — Эрбенъ занимается преимущественно народною словесностью; онъ же издаетъ и замѣчательное собраніе историческихъ памятниковъ Чехіи. Эрбенъ приготовилъ къ печати весьма важное собраніе народныхъ сказокъ всѣхъ славянскихъ племенъ; изъ множества сказокъ и ихъ варіантовъ онъ умѣетъ дѣлать выборъ, руководствуясь художественнымъ и этнографическимъ значеніемъ народнаго разсказа.

Изъ Праги я ѣздилъ во внутренность Чехіи, а оттуда—въ Польшу, Галицію, Венгрію, въ воеводство Сербію, Сербское княжество, въ Хорватію и Лужицы. Я посѣтилъ Вѣну, Краковъ, Львовъ, Пестъ, Офенъ, Карловцы, Бѣлградъ, Загребъ, Будишинъ и нѣсколько другихъ городовъ и селъ въ различныхъ земляхъ славянскихъ.

Въ университетѣ Вѣнскомъ славянскую филологію преподаетъ профессоръ Миклошичъ, извѣстный своими трудами по славянской филологіи. Въ лѣтній семестръ (съ 28 апрѣля) этого года Миклошичъ читалъ три предмета, а именно: о Несторѣ, о собственныхъ именахъ славянскихъ и палеографическія упражненія. Лекціи о Несторѣ состояли изъ филологическихъ объясненій текста Несторовой лѣтописи, и преимущественно договоровъ съ Греками; въ лекціяхъ о собственныхъ именахъ онъ пользовался преимущественно сербскими рукописями древнѣйшей редакціи. Палеографическія упражненія служили практическимъ примѣненьемъ слушателями свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ ими изъ лекцій профессора. Сверхъ лекцій Миклошича, весьма поучительны для изучающаго славянскіе языки и литературы лекціи профессора Шемберы, автора исторіи чешской литературы: онъ читалъ исторію новой чешской литературы, объяснялъ наиболѣе важныя и трудныя мѣста изъ древнихъ чешскихъ писателей и упражнялъ своихъ слушателей въ переводахъ на чешскій языкъ.—Библіотека вѣнская весьма богата рукописями, но пользоваться ими, къ сожалѣнью, весьма затруднительно: реальные каталоги еще не составлены, и единственнымъ пособіемъ можетъ служить нѣсколько указаній, сдѣланныхъ разными учеными въ ихъ краткихъ извѣстіяхъ о занятіяхъ въ вѣнской библіотекѣ. Довольно значительное собраніе руко-

писей находится у Миклошича и служитъ богатымъ пособіемъ при составленіи церковно-славянскаго словаря, выходящаго вторымъ изданіемъ. Между прочимъ, недавно получена Миклошичемъ полная кормчая въ одномъ изъ самыхъ древнихъ списковъ; изъ Инспрука прислано ему два пергам. листа, писанные глаголическими буквами и принадлежащіе, по всей вѣроятности, къ тому сборнику, который издалъ Копитаръ подъ названіемъ: Glagolita Clozianus; эти два листа заключаютъ часть слова Златоуста и часть, какъ кажется, оригинальнаго славянскаго поученія, состоящаго изъ обличенія сребролюбія, по поводу предательскаго поступка Іуды.

Пребываніе во Львовѣ и путешествіе по Галиціи ознакомило меня съ бытомъ и литературною дѣятельностью ближайшихъ братьевъ нашихъ между славянами—Русиновъ. Въ университетѣ Львовскомъ профессоръ Головацкій читалъ въ зимній семестръ этого года: 1) фонетику (lautlehre) русинскаго языка въ сравненьи съ чешскимъ и польскимъ, 2) о развитіи русинскаго письменнаго языка на основаніи народныхъ нарѣчій, 3) объясненіе Остромирова Евангелія, съ указаніемъ тѣхъ формъ, которыя въ позднѣйшихъ редакціяхъ отличаются отъ древняго текста. — Профессоръ Малецкій читалъ: 1) церковно-славянскій языкъ, 2) исторію польской литературы съ начала нынѣшняго столѣтія до появленія романтиковъ, 3) эстетическій разборъ образцовыхъ произведеній польской литературы, преимущественно драматическихъ поэтовъ.—Общее вниманіе русинскихъ литераторовъ было устремлено на задуманное вѣнскимъ министерствомъ введеніе латинской азбуки вмѣсто кирилловской и гражданской. Это нововведеніе принято было какъ посягательство на народную святыню и встрѣтило единодушный отпоръ со стороны Русиновъ. Издано было нѣсколько статей и брошюръ, въ которыхъ обсуживался вопросъ о кирилловской и латинской азбукѣ и ихъ пригодности для языка русинскаго, и въ результатѣ оказалось, что для введенія латинскаго письма нѣтъ никакого филологическаго основанія. Но здѣсь было основаніе другого рода, именно политическое. За нѣсколько лѣтъ до настоящаго времени высказано было образованными Русинами мнѣніе, что если ихъ молодой литературѣ суждено быть подъ какимъ-либо вліяніемъ, то самое благодѣтельное было бы вліяніе русское. Поэтому начали употреблять граждан-

скій шрифтъ, употребляемый въ Россіи, и заимствовать многія слова и обороты изъ языка великорусскаго, а нѣкоторые литераторы стали даже писать совершенно русскимъ литературнымъ языкомъ съ легкимъ оттѣнкомъ русинскаго. Это возбудило опасеніе въ Австріи, боящейся всякаго общенія подвластныхъ ей Славянъ съ Русскими. Собрана была во Львовѣ особенная комиссія, подъ предсѣдательствомъ теперешняго министра внутреннихъ дѣлъ, изъ русинскихъ литераторовъ, упорно отстаивавшихъ славянское письмо. Послѣ продолжительныхъ преній, чиновники австрійскіе настояли на уничтоженіи гражданскаго шрифта, вопреки желанію Русиновъ; уничтожили *ѣ*, но удержали *ъ*, *ы*, *и*.

Въ Пестѣ и вообще въ Венгріи живетъ много славянъ, Сербовъ и Словаковъ: поэтому путешествіе по Венгріи представляетъ интересъ и въ отношеньи къ славянскимъ племенамъ и нарѣчіямъ. Славянскія нарѣчія преподаетъ въ Пештскомъ университетѣ профессоръ Ференцъ; онъ владѣетъ тринадцатью языками, свободно объясняется по русски и знакомитъ слушателей своихъ съ произведеніями русскихъ писателей.

Изъ Песта я поѣхалъ въ Карловцы, а оттуда—въ монастыри фрушкогорскіе и въ другія мѣста воеводства Сербіи. Живущій въ Карловцахъ сербскій патріархъ Іосифъ Раячичъ, избранный народомъ въ 1848 году, сообщилъ мнѣ много указаній, которыми я пользовался при путешествіи въ воеводствѣ. Монастыри фрушкогорскіе служатъ поддержкою народности: нѣкоторые изъ нихъ посвящены памяти людей, прославившихся въ сербской исторіи; описанія ихъ жизни и патріотическихъ подвиговъ, картины съ изображеньемъ этихъ подвиговъ и т. п. постоянно напоминаютъ многочисленнымъ посѣтителямъ о завѣтныхъ преданіяхъ старины. При монастыряхъ есть библіотеки, въ которыхъ довольно много русскихъ книгъ; большая часть изъ нихъ — изданія Новикова и типографической компаніи.

Въ Бѣлградѣ особенно поучительны были для меня бесѣды съ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, переѣхавшимъ изъ Вѣны въ Бѣлградъ. Руководствуясь указаніями Вука, я посѣщалъ города и села Сербіи отъ Дуная и Савы до Дрины и Босніи. Народъ сербскій славится богатствомъ своихъ поэтическихъ произведеній, переходящихъ изъ устъ въ уста; я былъ свидѣтелемъ импровизаціи народныхъ пѣвцовъ. Въ одномъ

сербскомъ селѣ мнѣ удалось услышать преданіе, извѣстное у насъ уже въ XI вѣкѣ и записанное въ Несторовой Лѣтописи. Оно считается обыкновенно произведеніемъ скандинавскимъ, занесеннымъ къ намъ Норманнами, и дѣйствительно оно представляетъ большое сходство съ эпизодомъ исландской саги; но преданье сербское еще ближе къ русскому не только въ цѣломъ, но и въ подробностяхъ. По возвращеніи, я постараюсь немедленно напечатать любопытное преданіе; нужно собирать по крохамъ, чтобы дойти наконецъ до возможности положительно отвѣчать на вопросъ о силѣ и значеньи скандинавскаго вліянія въ древнѣйшую эпоху нашей исторіи.

Въ путешествіи по Хорватіи руководителями и отчасти спутниками моими были: Кукулевичъ-Сакчинскій, Вукотиновичъ, Боговичъ и другіе хорватскіе писатели. Кукулевичъ продолжаетъ изданіе Архива юго-славянской исторіи и словаря юго-славянскихъ художниковъ. Талантъ Кукулевича разнообразенъ: онъ и археологъ, и эстетикъ, и публицистъ, и историкъ, и беллетристъ. Въ альманахѣ этого года помѣщена повѣсть его изъ общественнаго быта. Хотя она и не имѣетъ художественнаго значенія, но подобнаго рода повѣсти особенно желательны для современныхъ славянскихъ литературъ. Строгость цензуры и отчасти другія обстоятельства заставили поэтовъ обращаться къ предметамъ, опошлѣвшимъ отъ долговременнаго употребленія; у большей части славянъ большинство стихотвореній, помѣщаемыхъ въ журналахъ и альманахахъ, содержанія идиллическаго и эротическаго, бывшаго въ ходу въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка; выше многихъ другихъ стоятъ стихотворенія чешскаго студента Галека, подражателя Гейне; но гораздо важнѣе тѣ немногія повѣсти, которыя заимствованы авторами изъ общественной жизни.

Послѣднею изъ земель славянскихъ, видѣнныхъ мною, были Лужицы. Племя Лужичанъ, при всей своей малочисленности, подверглось троякому раздѣленью: Лужицы раздѣляются на верхнія и нижнія, различающіяся между собою языкомъ; жители ихъ частью протестанты, частью католики и находятся частью подъ саксонскою, частью подъ прусскою властью. Лужичане въ Саксоніи довольны своимъ правительствомъ, непосягающимъ на ихъ народность: они могутъ безпрепятственно трудиться

и поддерживать свою скромную литературу; въ настоящее время писатели лужицкіе трудятся надъ составленіемъ словаря. Спутникомъ моимъ по Лужицамъ былъ литераторъ Горникъ, живущій въ Будишинѣ; литераторъ Букъ также способствовалъ знакомству моему съ краемъ. Главы современныхъ писателей лужицкихъ—Смолера не было, къ сожалѣнью, въ Будишинѣ: онъ уѣхалъ въ Россію.

По возвращеніи въ Прагу, я засталъ въ самомъ разгарѣ споръ о краледворской рукописи. Самое рѣзкое и подробное мнѣніе contra выражено Бюдингеромъ въ историческомъ журналѣ, издаваемомъ Зибелемъ; самое лучшее опроверженіе представлено Палацкимъ въ томъ же журналѣ. Полемика опирается преимущественно на историческія доказательства, но и съ той и съ другой стороны указывается на необходимость филологическихъ доказательствъ, къ которымъ призываютъ Миклошича. Миклошичъ еще не высказалъ своего мнѣнія печатно, но, судя по устной бесѣдѣ съ нимъ, онъ принадлежитъ къ числу сомнѣвающихся въ подлинности краледворской рукописи, и сомнѣніе свое основываетъ на томъ, что формы языка не принадлежатъ XIII вѣку, что складъ пѣсенъ черезчуръ новъ и ненароденъ, что миѳологическій элементъ не соотвѣтствуетъ миѳическимъ представленіямъ, господствовавшимъ въ то время у чеховъ. Я былъ свидѣтельствомъ (sic) суда между Ганкою и Ку, редакторомъ газеты, обвинившей Ганку въ подлогѣ; редакторъ оправдывался тѣмъ, что онъ оказалъ честь Ганкѣ, назвавъ его поддѣльщикомъ краледворской рукописи, потому что въ то же время самую рукопись назвалъ высокимъ поэтическимъ произведеніемъ, а высокое произведеніе можетъ написать только талантъ! Судъ призналъ обвинителя въ подлогѣ неправымъ и присудилъ его къ двухмѣсячному аресту и къ штрафу въ 100 гульденовъ.

Оставляя въ настоящее время Прагу, я предполагаю посѣтить Бельгію и Голландію, преимущественно для ознакомленія съ тамошними музеями, картинными галереями и другими памятниками искусства, а оттуда—въ Парижъ, къ началу курсовъ въ Парижскомъ университетѣ.

Адъюнктъ Сухомлиновъ.

$\frac{\text{4 сентября}}{\text{23 августа}}$ 1859. Прага.

[Дѣло Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета. № 28].

Въ Историко-Филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета.

Адъюнкта Сухомлинова

Донесеніе.

Въ послѣднемъ отчетѣ своемъ я имѣлъ честь сообщить факультету о путешествіи своемъ по славянскимъ землямъ. По окончаніи занятій своихъ въ славянскихъ земляхъ, я отправился въ Италію; долѣе всего я пробылъ въ Римѣ, затѣмъ — во Флоренціи, Венеціи, Миланѣ и Туринѣ. Во время пребыванія своего въ Италіи я имѣлъ въ виду преимущественно исторію искусства, такъ тѣсно связанную съ исторіею литературы и образованности. Римскія собранія представляютъ самую богатую пищу для изученія эстетики, не въ теоріи, а на самыхъ произведеніяхъ искусства. Для знакомства же съ христіанскимъ искусствомъ, съ памятниками первыхъ вѣковъ христіанства собраны матеріалы въ такъ называемомъ «христіанскомъ музеумѣ» — museo christiano, основанномъ весьма недавно, въ 1854 году. Мозаика и статуи, барельефы на гробницахъ, открытыхъ въ катакомбахъ, и т. п. даютъ ясное и наглядное понятіе о первыхъ опытахъ христіанскаго искусства и объ отношеніи его къ художественному міру древности. Многія черты, опредѣляющія характеръ литературы древнихъ и среднихъ временъ христіанства, характеризуютъ и произведенія искусства, знакомство съ которыми необходимо и для полнаго пониманія тогдашнихъ литературныхъ памятниковъ; символизмъ, туманный въ произведеніяхъ слова, разоблачается въ произведеніяхъ пластическаго искусства и знакомитъ съ общественнымъ настроеніемъ, господствовавшимъ, въ теченье нѣсколькихъ вѣковъ, у всѣхъ христіанскихъ народовъ, хотя и въ неодинаковой степени.

Во Флоренціи я посѣщалъ замѣчательнѣйшія въ художественномъ отношеніи церкви и картинныя галереи, преимущественно Palazzo degli Uffizi, какъ самое богатое собраніе произведеній искусства. Въ Венеціи особенный интересъ возбуждаютъ памятники, въ которыхъ видно вліяніе двухъ элементовъ — западноевропейскаго и византійскаго: Венеція въ исторіи искусства составляетъ связь между Греціею и Италіею; соборъ св. Марка, выстроенный по образцу Софійскаго собора въ Константинополѣ, представляетъ, въ своихъ разнообразныхъ украшеніяхъ, смѣсь ви-

зантійскаго стиля съ готическимъ и итальянскимъ. Много памятниковъ искусства, занимающихъ видное мѣсто въ его исторіи, сохраняются въ церквахъ Венеціи, также въ нѣкоторыхъ палаццо и въ академіи художествъ — Palazzo Ducale, Academia delle belle arti и др. Въ Туринѣ я успѣлъ ознакомиться и съ библіотеками; въ другихъ же итальянскихъ городахъ, между прочимъ и въ Римѣ, библіотеки были закрыты по причинѣ каникулъ, весьма продолжительныхъ.

Изъ Италіи я пріѣхалъ во Францію и нахожу нужнымъ провести зиму въ Парижѣ. Уже одно то обстоятельство, что французская литература имѣла сильное и постоянное вліяніе на русскую, дѣлаетъ для меня необходимымъ пребываніе въ центрѣ разработки памятниковъ французской литературы. Парижскія библіотеки представляютъ много любопытныхъ и важныхъ матеріаловъ для изученія литературы въ связи съ состояніемъ образованности. Я занимаюсь какъ въ отдѣленіи книгъ, такъ и въ отдѣленіи рукописей. Въ отдѣленіи книгъ находится значительное число изданій, которыхъ нельзя найти и въ самыхъ богатыхъ библіотекахъ другихъ городовъ. Въ числѣ рукописей есть и славянскія, но они не имѣютъ особеннаго значенія ни по количеству, ни по качеству. Они описаны Мартыновымъ, кандидатомъ петербургскаго университета, поступившимъ въ іезуиты и занимающимся изданіемъ вещей, относящихся къ русской исторіи. Болѣе интереса представляютъ рукописи на иностранныхъ языкахъ. Содержаніе ихъ любопытно потому, что многія черты сближаютъ ихъ съ произведеніями русской литературы и литературъ славянскихъ вообще. Кругъ средневѣковыхъ сказаній и повѣстей весьма обширенъ; остатки средневѣковаго эпоса разсѣяны повсюду, сохраняясь въ устной и письменной словесности германскихъ, романскихъ и славянскихъ народовъ; иное заимствовано обыкновеннымъ литературнымъ путемъ, другое составляетъ общую принадлежность народной поэзіи, являясь самостоятельно въ различныхъ литературахъ. Французскими учеными издано нѣсколько замѣчательныхъ произведеній средневѣковой словесности, а также и памятниковъ болѣе древнихъ, какъ напримѣръ сказанія апокрифическія, извѣстныя и по рукописямъ славянскимъ.

Изъ лекцій особенною полнотою, дѣльностью и подробностью отличаются читаемыя въ заведеніяхъ спеціальныхъ, напр. въ école des chartes.

Въ университетѣ же (употребляя это слово въ томъ смыслѣ, который имѣетъ оно у насъ), т. е. въ Collège de France и въ Sorbonne, преподаватели имѣютъ въ виду, большею частью, не столько систематическое развитіе предмета, сколько изложеніе его въ формѣ наиболѣе доступной для слушателей.

По исторіи французской литературы читаются лекціи нѣсколькими профессорами. Самый дѣльный курсъ профессора Demogeot — о писателяхъ XVIII вѣка. Деможо читаетъ въ Сорбоннѣ, по двѣ лекціи въ недѣлю: на одной изъ нихъ представляетъ общую характеристику писателя или эпохи, на другой — знакомитъ слушателей съ источниками и пособіями, разсматриваетъ литературу предмета. Такое распредѣленіе весьма полезно: профессоръ даетъ понятіе о *сущности* изучаемаго вопроса, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ выводы извлекаетъ изъ фактовъ, оцѣнкѣ которыхъ посвящаетъ еженедѣльно одну изъ двухъ лекцій. Saint-Marc Girardin читаетъ въ Сорбоннѣ «исторію французской поэзіи въ XVII вѣкѣ и преимущественно о сочиненіяхъ Буало». De-Loménie читаетъ въ Collège de France «о жизни, сочиненіяхъ и вліяніи Вольтера». А. Ходзько читаетъ въ Collège de France исторію новой литературы славянскихъ народовъ, объясняетъ средневѣковыя славянскія легенды и отрывки изъ лучшихъ твореній русскихъ, польскихъ, сербскихъ и чешскихъ писателей. Paulin Paris читаетъ въ Collège de France о Фруассарѣ. Лекціи Пари заслуживаютъ особеннаго вниманія по своей дѣльности; метода его замѣчательна не только сама по себѣ, не только по отношенію къ труду Фруассара, но по отношенію къ исторической и литературной критикѣ произведеній словесности какого бы то ни было народа. Пользуясь новѣйшими трудами ученыхъ, Пари вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ много оригинальныхъ замѣчаній, добытыхъ его собственными изслѣдованіями; особенно любопытны замѣчанія его объ образованности Фруассара, о пути, посредствомъ котораго онъ знакомился съ древнимъ міромъ, и о вліяніи средневѣковыхъ легендъ и сказаній на его исторію. Въ Ecole des chartes я посѣщаю лекціи Quicherat объ исторіи искусства; въ настоящее время онъ излагаетъ исторію архитектуры; онъ съ особенною полнотою и отчетливостью представилъ переходъ отъ древней, языческой архитектуры къ новой, христіанской. Источники для знакомства съ исторіею искусства

находятся, въ Парижѣ, въ богатыхъ и разнообразныхъ собраніяхъ, расположенныхъ въ Луврѣ и отчасти, въ несравненно-меньшемъ объемѣ, въ Hôtel de Cluny.

Адъюнктъ Сухомлиновъ.

Парижъ,
$\frac{6}{14}$ января 1860. Мой адресъ: Paris, poste restante.

[Дѣло Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета. № 28].

Какъ можно видѣть изъ отчетовъ С—ва, порядокъ его путешествія былъ приблизительно таковъ: Германія и Швейцарія (преимущественно Гейдельбергъ, Мюнхенъ, Берлинъ, Цюрихъ), Славянскія земли (Прага, Краковъ, Львовъ, венгерскіе и австрійскіе сербы, Бѣлградъ, Загребъ), Вѣна, Италія (Римъ, Флоренція, Венеція, Миланъ и Туринъ), Парижъ, Англія, Голландія и Бельгія; въ нѣкоторыя, наиболѣе интересныя для него, мѣста онъ возвращался нѣсколько разъ, напр. въ Прагу. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ два съ половиной года С. успѣлъ перебывать почти во всѣхъ странахъ Западной Европы: однѣ были интересны для него по этнографической близости къ Россіи, другія — по высокому развитію науки и искусства и по успѣхамъ культурнаго общежитія. Обладая чрезвычайно живымъ темпераментомъ и разносторонней отзывчивостью, С., во время своего пребыванія за границей, изъ поля своего наблюденія не упускалъ рѣшительно ничего, что бы могло пригодиться ему для расширенія собственнаго образованія, для преподавательной дѣятельности, для будущихъ научныхъ трудовъ; онъ смотрѣлъ на свое путешествіе какъ на драгоцѣнный и въ своемъ родѣ рѣдкій въ жизни случай запастись возможно болѣе богатыми впечатлѣніями на будущее и вовсе не стремился къ тому, чтобы тратить за границей слишкомъ много времени на кабинетную работу. И тѣмъ не менѣе, онъ нашелъ необходимый досугъ для того, чтобы отослать изъ разныхъ мѣстъ своихъ заграничныхъ скитаній въ редакцію «Русскаго Вѣстника» пять статей, въ которыхъ нашли себѣ непринужденное и живое отраженіе многія изъ его впечатлѣній отъ заграничной жизни и ея выдающихся представителей[1]). Особенный интересъ

1) «Письмо изъ-за границы» [Женева $\frac{25\text{ авг.}}{6\text{ сент.}}$ 1858]. Р. В. 1858, сент., кн. 1; «Письмо изъ Мюнхена» [Мюнхенъ 4/16 окт. 1858]. Тамъ же 1858, окт., кн. 2;

этихъ учено-литературныхъ корреспонденцій представляли данныя о германскихъ университетахъ и разсказы о славянскихъ земляхъ. Сочувственно отмѣчая широкое развитіе университетской жизни въ Германіи и сосѣдней ей Швейцаріи, напряженную литературно-научную дѣятельность профессоровъ, свободу преподаванія и слушанія, С — въ весьма тонко наблюдаетъ и кое-какія отрицательныя явленія и странности; просматривая книжныя сокровища и знакомясь съ людьми въ Германіи, онъ съ особеннымъ интересомъ слѣдитъ за тѣмъ, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ русской литературѣ и жизни: говоря о Мюнхенскомъ университетѣ, онъ отмѣчаетъ проф. Боденштедта, знатока и цѣнителя русской литературы; обозрѣвая рукописи Королевской библіотеки въ Берлинѣ, онъ останавливается на интересномъ дневникѣ Цукмантеля (1755), бывшаго пасторомъ въ Петербургѣ, и кратко передаетъ его содержаніе. Въ славянскихъ земляхъ С — ва всего болѣе привлекаютъ къ себѣ проявленія національнаго самосознанія, культурная и политическая борьба славянъ съ австрійскимъ режимомъ, успѣхи славянъ на поприщѣ литературы и науки. Отъ этихъ заграничныхъ корреспонденцій и въ настоящее время вѣетъ свѣжей мыслью умнаго и даровитаго наблюдателя, проникнутаго благороднымъ сочувствіемъ къ свободному развитію малыхъ и политически обиженныхъ народностей; онѣ согрѣты гуманнымъ чувствомъ образованнаго и тонкаго, въ высшей степени воспріимчиваго и не чуждаго поэтическаго настроенія цѣнителя: наконецъ, живое, изящное и по мѣстамъ увлекательное изложеніе, чуждое растянутости и кое-гдѣ одухотворенное блестками иронiи и остроумія, производитъ то, что и въ настоящее время эти корреспонденціи не утратили своего, по крайней мѣрѣ историческаго, значенія, хотя очень многое въ сферахъ, затронутыхъ тогдашнимъ перомъ С — ва, теперь значительно измѣнилось. Интересъ къ зарубежному славянству, почерпнутый въ это путешествіе С—вымъ изъ живого источника, если не научный, то во всякомъ случаѣ культурно-политическій, жилъ въ М. И-чѣ до конца его

«Изъ Берлина». Тамъ же 1859, май, кн. 1; «Изъ Праги» [Прага 21 авг. 1859]. Тамъ же 1859, сент., кн. 2; «Замѣтки о современномъ настроеніи сербовъ, хорватовъ и русиновъ». Тамъ же 1859, окт., кн. 1.

жизни, и я прекрасно помню, какъ въ концѣ 80-хъ и въ 90-ые годы, послѣ моихъ кратковременныхъ поѣздокъ въ славянскія земли, онъ живо и подолгу распрашивалъ меня о людяхъ, событіяхъ и обстоятельствахъ, особенно касательно чеховъ и Праги: видно было, что все это было близко М. И-чу и что годы не изгладили глубокихъ слѣдовъ его далекихъ впечатлѣній молодости.

Существеннымъ дополненіемъ къ этимъ заграничнымъ корреспонденціямъ и официальнымъ отчетамъ С—ва являются слѣдующія три письма его къ И. И. Срезневскому:

Мюнхенъ. $\frac{10}{22}$ сентября 1858.

Милостивый Государь Измаилъ Ивановичъ,

Прежде всего я долженъ просить Васъ простить мнѣ долгое неисполненіе Вашего порученья: передъ отъѣздомъ моимъ за границу Вы поручили мнѣ выслать Вамъ изъ Парижа второй томъ Шевале — исторію французскаго языка. Но я до сихъ поръ не былъ въ Парижѣ, и потому не могъ пріобрѣсти Шевале. Выѣзжая изъ Петербурга, я думалъ направить путь свой прямо въ Парижъ; но мнѣ пришлось отказаться отъ своего предположенья. Вообще, за границею нельзя положительно опредѣлить напередъ, сколько времени пробудешь въ томъ или другомъ городѣ: наука развилась здѣсь такъ роскошно, что невольно остаешься долѣе, нежели предполагалъ. Четыре мѣсяца уже прошло, а я еще едва, едва оглядѣлся за границею, и вполнѣ убѣдился въ одномъ: что годъ, одинъ годъ — срокъ недостаточный; въ первый годъ только знакомишься, пріобрѣтать же можно только въ теченье второго года. Для того, чтобы извлечь существенную пользу изъ путешествія, надо пожить въ нѣсколькихъ пунктахъ, въ которыхъ сосредоточена ученость, а такихъ пунктовъ не мало. Притомъ, ученые доступны только въ опредѣленное время, и всѣ въ одно и тоже, т. е. въ теченье зимняго или лѣтняго семестра; а какъ только открываются каникулы, такъ и начинаютъ пустѣть университетскіе города. Не могу забыть неудачи въ посѣщеньи знаменитаго Вакернагеля. Зная его по сочиненьямъ и узнавши въ Гейдельбергѣ отъ спеціалистовъ о характерѣ и предметахъ лекцій его, я нарочно отправился въ Базель, чтобы провести тамъ нѣсколько времени въ обществѣ

Вакернагеля. Въ вагонѣ я встрѣтилъ многихъ швейцарцовъ, которые всѣ до одного знали Вакернагеля; отъ нихъ я узналъ, что онъ очень богатъ, принимаетъ большое участіе въ общественной дѣятельности и пользуется большимъ вліяніемъ, и въ полномъ смыслѣ пользуется, то есть употребляетъ его въ свою пользу; за то ученая его дѣятельность безукоризненна: въ этомъ отдаютъ ему справедливость и враги его. Представьте же мое положеніе: пріѣзжаю въ Базель, отыскиваю домъ Вакернагеля, звоню, выходитъ дѣвушка и говоритъ, что Herr Professor уѣхалъ на нѣсколько времени въ имѣніе своей жены. Съ горя я поѣхалъ въ Цюрихъ, и былъ награжденъ знакомствомъ съ Фишеромъ, авторомъ замѣчательнѣйшей въ настоящее время эстетики. Его причисляютъ къ школѣ Гегеля, но онъ называетъ себя самоучкой. Онъ — ученый вполнѣ самостоятельный; его убѣжденья вытекли изъ долгихъ занятій литературою и археологіею. И какая простота и обходительность у него, ни тѣни педентства и высокаго мнѣнія о себѣ! Изъ бесѣдъ съ нимъ я всегда выносилъ много новаго и поучительнаго. Вотъ образецъ его безпристрастія: недавно вышла единственная въ своемъ родѣ исторія эстетики, Циммермана, пражскаго профессора; Циммерманъ жестоко нападаетъ на Гегеля, не щадитъ и Фишера; не смотря на то, Фишеръ, котораго я засталъ надъ чтеніемъ книги Циммермана, отзывается о ней съ величайшею похвалою, называетъ ее трудомъ истиннаго ученаго, изучающаго предметъ со всею ученою основательностью.

Изъ Швейцаріи я пріѣхалъ въ Мюнхенъ по случаю знаменитой «общей и исторической художественной выставки». При выборѣ мѣстъ для посѣщенія я имѣю въ виду единственно потребности своихъ слушателей. Чувство долга преслѣдуетъ меня: вѣдь я посланъ за границу не для себя, а для нихъ... Изъ Мюнхена предполагаю въ Берлинъ, оттуда черезъ Іену, Лейпцигъ, Галле, Прагу и Вѣну въ Парижъ: большой кругъ въ сторону, да что же дѣлать? Всѣ эти мѣста посѣтить необходимо. Въ Прагѣ теперь пробуду дня два или три — не болѣе, а на слѣдующій годъ, если Богъ дастъ, поживу тамъ подольше. Я составилъ себѣ планъ и на слѣдующій годъ, потому что въ одинъ годъ ученое путешествіе не укладывается: неужели университетское начальство захочетъ разрушить мой планъ? Вѣдь въ одинъ годъ не успѣешь сдѣлать и половины. Я всячески ста-

раюсь не терять времени и запасаться матеріаломъ для будущихъ работъ. Предпринимать же какое-либо спеціальное изслѣдованье здѣсь кажется неудобно, потому что оно отвлекло бы отъ всего другого, что такъ необходимо для полноты литературнаго образованія. Чѣмъ состоятельнѣе будутъ мои курсы по возвращеньи, тѣмъ вѣрнѣе, значитъ, достигнута цѣль путешествія. Извините, что такъ нечетко пишу: форма мнѣ ни въ чемъ не дается. Знаю, что Вы страхъ какъ заняты, но все-таки рѣшаюсь просить Васъ хоть когда-нибудь вспомнить обо мнѣ и сказать мнѣ пару словъ, хоть, наконецъ, передать ихъ, для доставленья мнѣ, М. М. Стасюлевичу: онъ человѣкъ добрый, и чужія вещи у него не залеживаются; за то на свои скупъ ужасно: до сихъ поръ не написалъ мнѣ ни строки. Еще разъ извините и не поминайте лихомъ уважающаго Васъ Михаила Сухомлинова.

Приписка на 1-ой стр. М. Г. Катеринѣ Федоровнѣ имѣю честь свидѣтельствовать глубочайшее почтеніе. Что подѣлываетъ В. И. Ламанскій: усердно кланяюсь ему, и желаю скорѣе увидѣться съ нимъ за границею.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

$^{18}/_{30}$ января 1859. Прага.

Милостивый Государь Измаилъ Ивановичъ,

Не знаю, получили ли Вы письмо мое изъ Мюнхена: я писалъ, что до сихъ поръ не былъ въ Парижѣ и потому не могъ исполнить порученья Вашего о Шевале. Теперь я на пути въ Парижъ; предполагаю отправиться изъ Праги прямо въ Парижъ, не останавливаясь, по своему прежнему обыкновенію, въ разныхъ мѣстахъ по дорогѣ. Поспѣшность такая есть одно изъ печальныхъ слѣдствій разрушенья плана моего путешествія, неожиданно спутаннаго извѣстіемъ, полученнымъ мною изъ Петербурга. Къ сожалѣнію, у насъ не всѣ понимаютъ самую простую вещь, что для путешествующаго съ цѣлью серьезною большая разница — пробыть ли двѣ недѣли или два мѣсяца въ какомъ-нибудь замѣчательномъ городѣ. Какъ бы то ни было, я остаюсь при убѣжденіи, что мнѣ необходимо пробыть за границею до сентября 1860 года, о чемъ я увѣдомлялъ университетъ оффиціально. Въ Прагѣ думаю пробыть, въ этотъ пріѣздъ,

около двухъ или трехъ недѣль. Поэтому, если Вамъ угодно будетъ прислать мнѣ пару словъ, то прошу Васъ адресовать въ Прагу, poste restante. Въ пражскомъ почтамтѣ я оставлю свой адресъ, и мнѣ немедленно вышлютъ присланное въ Парижъ. Въ Парижѣ также я буду получать письма poste restante. Не знаю, нуженъ ли Вамъ Шевале или же, быть можетъ, Вы уже имѣете его; если нуженъ, то пришлите мнѣ два слова въ Парижъ, poste restante, и я тотчасъ же вышлю Вамъ по тому адресу, который Вы сообщите. Вѣроятно, въ самомъ началѣ февраля, стараго стиля, я уже выѣду изъ Праги.

Прага стала мнѣ уже довольно знакомою. Чехи принимаютъ русскихъ съ радушіемъ, о которомъ можно составить себѣ вѣрное понятіе только побывавши въ Прагѣ. Корифеи славизма не только не ниже, а даже выше своей славы. Бесѣда съ Шафарикомъ такъ поучительна, что нѣсколько часовъ, проведенныхъ съ нимъ, скорѣе наведутъ на мысли, плодотворныя для науки, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ самаго усидчиваго чтенья. А какой свѣтлый умъ у Палацкаго! Впрочемъ, Вамъ все это гораздо подробнѣе извѣстно, нежели мнѣ. Въ числѣ новыхъ дѣятелей чешской литературы есть нѣсколько, лично Вамъ неизвѣстныхъ. Молодое поколѣнье во многомъ расходится съ прежнимъ; какъ общую черту, можно замѣтить, что молодое поколѣнье проникнуто глубокимъ уваженьемъ къ Палацкому, и рѣшительно не сочувствуетъ Шафарику: причины Вамъ понятны. — Кстати о неизвѣстныхъ Вамъ филологахъ. Не знаю, знакомы ли Вы лично съ берлинскими филологами. Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ. Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ — Штейнталь. Въ январѣ долженъ выйти первый выпускъ его новаго журнала «Völkerpsychologie». Очень милый человѣкъ Кунъ, сотрудникъ Шлейхера; съ Шлейхеромъ я познакомился въ Іенѣ: мнѣ любопытно было слушать его мнѣнья о славянскихъ ученыхъ въ Прагѣ, и потомъ повѣрять ихъ на мѣстѣ. У Шлейхера довольно много слушателей; у Штейнталя только двое, у Бенари — ни одного, у Масмана — три и т. д. Много бы могъ я сказать о причинѣ этого и вообще о филологіи въ настоящее время въ иностранныхъ университетахъ; но лучше отложить до возвращенья. А теперь вотъ о чемъ: въ Берлинѣ я составилъ замѣтку, которую не успѣлъ отослать изъ Берлина, и потому посылаю теперь. Если эти рукописи не

описаны Строевымъ и если останется въ Извѣстіяхъ незанятая страница, то, быть можетъ, замѣтка моя и пригодится. Чего-либо большаго не посылаю потому, что цѣль моего путешествія—собранье матеріаловъ, а не окончательная обработка ихъ, перспектива моей петербургской жизни. Преданный Вамъ М. Сухомлиновъ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

$\frac{6 \text{ февраля}}{25 \text{ января}}$ 1859. Прага.
Адресъ мой: Prag. Poste restante.

Многоуважаемый Измаилъ Ивановичъ,

На дняхъ отправилъ я къ Вамъ письмо; теперь пишу опять, чтобы сообщить вамъ свѣжую новость, которая произвела самое пріятное впечатлѣніе въ чешскомъ литературномъ мірѣ.

$\frac{4 \text{ февр.}}{23 \text{ янв.}}$ ввечеру было археологическое засѣданье въ Чешскомъ Музеумѣ. Оно сдѣлалось однимъ изъ самыхъ достопамятныхъ засѣданій въ музеумѣ. Общій интересъ былъ возбужденъ какъ содержаніемъ читаннаго, такъ и наивнымъ тономъ автора, придававшимъ двойную цѣну извѣстію и ручавшимся за его достовѣрность. Дѣло шло о знаменитомъ «Судѣ Любуши». Только третьяго дня открылось, кѣмъ и у кого найдена драгоцѣнная рукопись. Причина, почему до сихъ поръ это не было извѣстно, весьма проста: авторъ письма, читаннаго въ засѣданьи — житель отдаленнаго края и не подозрѣвалъ, что исторія рукописи неизвѣстна: онъ даже не имѣлъ случая видѣть Ältest. Denkm. der Böhm. Sprache, изд. Шаф. и Палацк. еще въ 1840 году.

Въ засѣданьи 4 февр. 1859 профессоръ Томекъ читалъ письмо къ нему церковника Воршика (zámeckého kaplana v Žinkovech, Voříška). Воршекъ сообщаетъ слѣдующее: Іосифъ Коваръ (Kovař), прикащикъ (důchodní) Зеленогорскаго помѣстья князя Іеронима Коллоредо-Мансфельда, нашелъ въ склепѣ (sklepě) въ 1817 году рукопись на четырехъ листахъ и отдалъ ее декану Непомуцкому, Франциску Бубеле (Boubelovi, имен. Boubele). Бубеле съ трудомъ могъ ее читать, но взялъ ее, какъ курьезную вещь; онъ счелъ ее за *какую-то* чешскую пѣсню про Любушу да про распрю въ Штаглавѣ. Всѣхъ, кто слышалъ содержаніе этой пѣсни, очень забавляло то, что въ пѣснѣ говорилось о Шта-

главѣ, а Štáhlavy такъ близко: всего пять часовъ разстоянія. Узнавши, что всѣ старыя пѣсни стали посылаться въ Прагу, въ Музеумъ, Коваръ запросилъ Бубеле отослать туда и Любушинъ Судъ, въ 1818 году. Все дѣло осталось безъ огласки, потому что иначе Коваръ могъ бы лишиться своего мѣста: Мансфельдъ былъ крутого нрава и ослушникамъ спуску не давалъ. Коваръ передаетъ это извѣстіе по слухамъ: онъ родился въ 1821 году, слѣд. 4 года спустя послѣ находки. Но за достовѣрность извѣстія онъ ручается, ссылаясь на живыхъ свидѣтелей: викарія и декана Земана (род. 1789) и на *Крольмуса*, издателя старочешскихъ повѣстей и пр., извѣстнаго знатока чешской старины.—Коваръ (1779—1848) былъ человѣкъ простой, не видалъ ни литературныхъ, ни патріотическихъ тенденцій, и потому до крайности смѣшно обвинять его въ подлогѣ, какъ дѣлали это нѣкоторыя газеты, не зная, кто нашелъ рукопись.

Свѣдѣнье это вполнѣ будетъ помѣщено въ «Люмирѣ». Сверхъ того, Общество немедленно войдетъ въ сношенья съ лицами, видѣвшими рукопись.

Не знаю, какъ Вамъ покажется эта новость, но въ Прагѣ она теперь составляетъ предметъ самыхъ живыхъ толковъ.

По отправленіи письма къ Вамъ, я получилъ извѣстіе изъ Петербурга, измѣняющее мой планъ, и я, по всей вѣроятности, не увижу Парижа до слѣдующей осени.

Скоро ли пріѣдетъ въ Прагу В. И. Ламанскій? Здѣсь его хорошо знаютъ и ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Вячеславъ Вячеславичъ усердно кланяется Вамъ и Вашему семейству.

Сейчасъ отправляюсь въ театръ: панъ Коваръ, пани Гинкова и др. играютъ очень хорошо, а slečna Медалова поетъ превосходно: въ ея устахъ музыкаленъ до послѣдней степени чешскій языкъ. У меня всегда мѣсто рядомъ съ Ганкою, который объясняетъ мнѣ красоты чешской сцены—на церковно-славянскомъ языкѣ: онъ употребляетъ его въ разговорѣ вмѣсто русскаго. Что за милый человѣкъ Ганка!

Преданный Вамъ М. Сухомлиновъ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

Наконецъ, важнымъ событіемъ заграничной поѣздки М. И—ча была женитьба его въ Парижѣ, въ 1860 году, на Ольгѣ Аполлоновнѣ Дмитріевой. Отзвукъ перваго времени счастливой семейной жизни Сухомлинова находимъ мы въ дневникѣ А. В. Никитенка, который въ 1860 году тоже былъ за границей и встрѣтился тамъ съ Сухомлиновымъ:

«$^{8}/_{20}$ іюня 1860. Сегодня ѣздилъ въ Соденъ. Встрѣтился тамъ съ Шульманомъ и съ милымъ М. И. Сухомлиновымъ. Съ послѣднимъ мы горячо обнялись. День проведенъ въ прогулкахъ по полямъ и рощамъ Содена. Жена Сухомлинова очень милая, молоденькая женщина и отличная музыкантша. Живутъ они въ хорошенькомъ уютномъ домикѣ.

$^{9}/_{21}$ іюня. Ночь провели въ Соденѣ, а утромъ, распростившись съ Шульманомъ и Сухомлиновымъ, въ дилижансѣ уѣхали на станцію желѣзной дороги. Сухомлиновъ особенно горячо встрѣтилъ и проводилъ меня, и я душою отдохнулъ въ бесѣдѣ съ нимъ» [1]).

IV. Дальнѣйшая служба въ университетѣ. — Поѣздки внутри имперіи и заграницу. — Семейныя событія.

Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, С-въ повышенъ былъ при университетѣ, 7 декабря 1860, въ званіе экстраординарнаго профессора. Еще раньше этого, 10 августа 1860, онъ былъ назначенъ «для руководства кандидатовъ-педагоговъ въ теоретическихъ и научныхъ занятіяхъ по русской словесности и славянскимъ языкамъ» при университетѣ, а 1 августа 1861 года получилъ назначеніе профессоромъ русской словесности въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Освѣженный заграничной поѣздкой умственно и физически, съ запасомъ новыхъ наблюденій, счастливый семьянинъ (18 февраля 1861 родилась у него дочь Елена), съ удвоенной энергіей принялся М. И. за продолженіе и расширеніе своей ученой и преподавательской работы. Но вотъ въ концѣ 1861 года, вслѣдствіе студенческихъ волненій, находившихся въ связи съ болѣе широкимъ общественнымъ возбужденіемъ, разразилась извѣстная гроза надъ Петербург-

---

1) Моя повѣсть о самомъ себѣ, I. 597—598.

скимъ университетомъ, повлекшая за собою его закрытіе, при чемъ, вмѣстѣ съ другими профессорами, С-въ, съ 20 декабря 1861 года, былъ оставленъ за штатомъ. Принадлежа по своимъ общественнымъ симпатіямъ къ либеральной части университетской профессорской корпораціи, но весьма умѣренный въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, очень осторожный, С. и въ это печальное для университета время, продолжавшееся около полуторыхъ лѣтъ, съумѣлъ сохранить и даже упрочить свои добрыя отношенія къ министерству и къ вліятельнымъ административнымъ кругамъ, нисколько не поступаясь совѣстью или коренными своими убѣжденіями и прежде всего цѣня свое служеніе наукѣ. Во время студенческихъ волненій онъ избранъ былъ, вмѣстѣ съ проф. Штейнманомъ, въ члены профессорскаго дисциплинарнаго суда отъ историко-филологическаго факультета; когда же послѣ закрытія университета образована была правительственная Комиссія для его управленія, то С. примкнулъ къ дѣятельности этой комиссіи, будучи назначенъ 2 марта 1862 года членомъ «Особой Ревизіонной Комиссіи для освидѣтельствованія вспомогательныхъ учебныхъ заведеній Университета», а 7 марта того же года причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія.

Желая использовать избытокъ свободнаго времени, С., въ дополненіе къ заграничной поѣздкѣ, рѣшилъ предпринять, въ цѣляхъ расширенія своего научнаго образованія, путешествіе внутри Россіи, и въ февралѣ 1862 года подалъ въ Комиссію для управленія С.-Петербургскимъ Университетомъ слѣдующую записку:

Въ Комиссію для управленія С.-Петербургскимъ университетомъ.

Докладная записка.

Сообразно съ современными требованіями науки, исторія русской литературы должна быть излагаема въ связи съ развитіемъ образованности и движеніемъ внутренней жизни русскаго народа. Для вѣрной и многосторонней оцѣнки литературныхъ произведеній необходимо подробно ознакомиться съ памятниками различныхъ эпохъ русской жизни, сохранившимися въ древнѣйшихъ центрахъ общественной дѣятельности. Особенно богаты историческими памятниками Москва, Кіевъ, Новгородъ и Псковъ. Въ Кіевскихъ библіотекахъ находится много матеріаловъ для исторіи южной

Россіи и для древней исторіи и литературы русской вообще. Въ Кіевѣ находится нѣсколько древнихъ зданій, съ различными украшеніями, фресками и барельефами, показывающими тогдашнее состояніе искусства въ Россіи и вліяніе иностранное. Характеръ произведеній древняго періода нашей словесности во многомъ представляетъ поразительное сходство съ современными имъ произведеніями архитектуры и живописи. Воззрѣніе писателей, выражающееся въ ихъ литературныхъ трудахъ, обнаруживается и въ памятникахъ искусства. Безъ полнаго знакомства съ послѣдними изложеніе литературы лишено будетъ живого начала, способствующаго ясному пониманію историческихъ эпохъ.

Новгородъ и Псковъ также представляютъ много интереса въ археологическомъ отношеніи. Одинъ Софійскій соборъ, съ его архитектурными особенностями, съ его фресками и барельефами, представляетъ богатый матеріалъ для изученія. Особенно любопытны слѣды византійскаго и западно-европейскаго вліянія, поясняющіе подобные же слѣды въ литературѣ.

Для полноты изученія памятниковъ старины необходимо посѣтить главнѣйшіе въ историческомъ отношеніи монастыри въ губерніяхъ Кіевской, Новгородской, Псковской и Московской. Важное историческое значеніе Москвы и Троицко-Сергіевой Лавры давно уже признано учеными.

Въ связи съ археологическими достопримѣчательностями Кіева находится собраніе древностей, находящихся въ Одесскомъ Музеумѣ Общества исторіи и древностей.

Такимъ образомъ, въ историко-литературномъ и археологическомъ отношеніи необходимо посѣщеніе Москвы, Новгорода, Кіева, Пскова и Одессы и замѣчательнѣйшихъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей въ губерніяхъ Московской, Кіевской, Новгородской и Псковской.

Поэтому, М. Сухомлиновъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Комиссію исходатайствовать ему командировку съ ученою цѣлью въ губерніи Московскую, Новгородскую, Псковскую, Кіевскую и Херсонскую.

16 февраля 1862.

[Дѣло Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета. № 28].

Согласно этой запискѣ, предсѣдателемъ Комиссіи сдѣлано было представленіе попечителю округа, и отъ 19 марта 1862 получено отъ

него сообщеніе о командированіи С-ва въ упомянутыя въ запискѣ губерніи на три мѣсяца, съ сохраненіемъ жалованья и съ пособіемъ на путевыя издержки 600 р.

Если эта поѣздка С-ва имѣла лишь научно-образовательный характеръ и не повлекла за собою непосредственныхъ литературныхъ результатовъ, то нѣсколько инымъ характеромъ отличалась другая поѣздка М. И-ча, предпринятая имъ въ 1863 году также по Россіи. Какъ извѣстно, послѣ освобожденія крестьянъ, въ обществѣ и въ правящихъ кругахъ поднятъ былъ и получилъ большое оживленіе вопросъ о народномъ образованіи; были составлены проекты и планы устройства народныхъ училищъ, вызвавшіе въ текущей литературѣ самые разнообразные отзывы и мнѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ, раздавались голоса и за то, чтобы у самого народа освѣдомиться, чего онъ желаетъ по части образованія, а также посмотрѣть, что фактически имѣется въ данный моментъ въ этомъ отношеніи. Вотъ съ этой цѣлію изучить вопросъ о народномъ образованіи такъ сказать на мѣстѣ, С-въ и предпринялъ поѣздку, избравъ для великорусскихъ областей Ярославскую губернію, а для малорусскихъ—Черниговскую. Литературнымъ результатомъ собранныхъ С-вымъ наблюденій были его двѣ обширныхъ статьи: «Замѣтки объ училищахъ и народномъ образованіи въ Ярославской губерніи» и «Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи», напечатанныя въ Ж. М. Н. Пр. [1]). Въ первой статьѣ авторъ касается исторіи народнаго образованія, начиная съ 80-хъ годовъ XVIII в., даетъ свѣдѣнія о существующихъ учебныхъ заведеніяхъ взятаго района, объ учебникахъ, рисуетъ бытъ и нравы учащихъ и учащихся; сообщаетъ статистическія данныя по школьному дѣлу, собранныя какъ путемъ личныхъ опросовъ, такъ и архивныхъ справокъ на мѣстахъ; наконецъ — говоритъ о взглядахъ народа на потребности образованія. Самая цѣль поѣздки, предпринятой по личной иниціативѣ автора, характеръ наблюденій и выводовъ обнаруживаютъ въ С-вѣ этого времени ревностнаго сторонника прогрессивныхъ теченій въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ и даютъ весьма яркую и интересную страничку изъ недавняго прошлаго нашей культурной жизни. Вотъ, напр., заключительные выводы С-ва въ концѣ этой статьи:

1) Ч. CXVII. 1863, Отд. 3, стр. 103—189, и Ч. CXXI. 1864, Отд. 3, стр. 1—94.

«Любознательность въ народѣ развита въ значительной степени и число грамотныхъ постоянно возрастаетъ. Большинство учится внѣ училищъ, избѣгая ихъ подъ разными предлогами. Главныя причины уклоненія отъ училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ существенный недостатокъ заключается въ ихъ официальномъ характерѣ; въ учрежденіи ихъ по предписанію властей, безъ предварительнаго совѣщанія съ мѣстными жителями; въ повсемѣстномъ однообразіи устройства училищъ и излишней формальности въ управленіи ими. Для избѣжанія всего этого необходимо слѣдующее. До открытія новаго училища—будетъ ли то прогимназія или народная школа—вступить въ непосредственныя сношенія съ мѣстными жителями и выяснить имъ цѣль учрежденія. Предварительныя совѣщанія подѣйствуютъ благопріятно на мѣстныхъ жителей, покажутъ, что на потребности ихъ дѣйствительно обращаютъ вниманіе, и заранѣе расположатъ ихъ къ новому заведенію. Вопросъ долженъ быть обсуженъ съ наиболѣе вліятельными въ краѣ людьми, до внесенія его на обсужденіе городскихъ думъ или сельскихъ обществъ... Управленіе училищами какъ городскими, такъ и сельскими, должно соединиться въ одномъ вѣдомствѣ, въ которомъ оно было бы существенною заботою, а не случайнымъ дополненіемъ... Соединяя всѣ учебныя заведенія въ одно вѣдомство, необходимо удалить всякую формальность, стѣсняющую мѣстные органы въ своихъ дѣйствіяхъ на пользу училища. Теперь все время поглащается официальною перепискою, а между тѣмъ для дѣла гораздо полезнѣе личное знакомство съ состояніемъ училищъ и бесѣды съ людьми, знающими всѣ мѣстные свычаи и обычаи. И сельскіе учителя и крестьяне весьма радушно принимаютъ человѣка, заѣхавшаго къ нимъ узнать, какъ учатся ихъ дѣти и питомцы. Для приготовленія сельскихъ учителей можно на первый разъ воспользоваться мѣрою, предлагаемою мѣстными жителями, т. е. поручить лучшимъ изъ наличнаго состава заниматься съ будущими наставниками. Матеріальное улучшеніе училищъ можетъ произойти или посредствомъ общаго сбора, или посредствомъ частной благотворительности... Для положительнаго и прочнаго успѣха дѣла надо приступить къ нему не вдругъ, а постепенно. Если не ошибаюсь, одна изъ важнѣйшихъ реформъ — новое устройство судопроизводства будетъ введено первоначально въ нѣкоторыя только губерніи, а впослѣдствіи и во всѣ другія.

То же полезно примѣнить и къ училищамъ. Слѣдовало бы открыть предварительно двѣ или даже одну прогимназію въ губерніи; при совѣщаніяхъ съ мѣстными жителями окажется, гдѣ болѣе потребности въ училищѣ и готовности содѣйствовать ему нравственнымъ и матеріальнымъ участіемъ. Что касается первоначальнаго образованія и грамотности, то, не приступая вдругъ повсемѣстно къ открытію «народныхъ училищъ», которыя въ такомъ случаѣ были бы открыты только на бумагѣ, слѣдовало бы предоставить свободу частному преподаванію, сообразному съ мѣстными потребностями, и исподволь готовить достойныхъ учителей. Общество чутко на хорошее ученье; въ селахъ и городкахъ бывало много примѣровъ, что съ появленіемъ хорошаго учителя число учениковъ быстро возрастало втрое и вчетверо. Такимъ образомъ, въ настоящую минуту предстоятъ двѣ неизбѣжныя потребности: приготовленіе сельскихъ учителей путемъ неофиціальнымъ, не дожидаясь открытія учительскихъ институтовъ, и содѣйствіе трудамъ частныхъ лицъ для образованія народа, какъ это выражено отчасти и въ проектѣ новаго устава» [1]).

Вторая статья написана приблизительно по тому же плану, что и предыдущая, но съ особеннымъ обращеніемъ вниманія на архивные документы—дѣла Нѣжинскаго уѣзднаго училища, Черниговской гимназіи, Новгородсѣверской гимназіи, Глуховского повѣтоваго училища, Стародубскаго училища, Конотопскаго училища и т. п.; сообщены также интересныя свѣдѣнія и о Нѣжинскомъ Лицеѣ, въ частности о Гоголѣ, какъ ученикѣ его (стр. 50—51), на основаніи знакомства съ его архивомъ, при чемъ это учебное заведеніе признано умирающимъ и обреченнымъ на замѣну его другимъ, болѣе удовлетворяющимъ требованіямъ общества.

Въ біографіи М. И-ча эти двѣ статьи имѣютъ то значеніе, что открываютъ собою новую сторону его учено-литературныхъ интересовъ: занимаясь прежде почти исключительно вопросами языка и литературы древняго періода, онъ обращается въ указанныхъ статьяхъ къ вопросамъ по исторіи русскаго просвѣщенія, которые впослѣдствіи дѣлаются любимѣйшей областью его ученыхъ разысканій и создаютъ ему имя одного

---

1) Ж. М. Н. Пр. Ч. CXVII. 1863, Отд. 3, стр. 187—189.

изъ выдающихся историковъ и бытописателей этой стороны нашей культурной жизни.

Между тѣмъ, тягостный кризисъ съ С.-Петербургскимъ университетомъ окончился, и С-въ 12 іюля 1863 года былъ возвращенъ къ прежней должности э.-о. профессора, а 21 декабря 1864 года получилъ и ординатуру. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ игралъ, повидимому, видную роль старый доброжелатель С-ва, И. И. Срезневскій, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо къ нему М. И-ча:

Многоуважаемый Измаилъ Ивановичъ!

Я долго думалъ о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ касательно ординатуры. Я говорилъ объ этомъ предметѣ съ Вами, и *только съ Вами*, какъ съ человѣкомъ, котораго знаю болѣе двадцати лѣтъ и отъ котораго привыкъ слышать правду, хотя иногда и горькую. Результатъ моего обдумыванія слѣдующій:

Предоставляю дѣло свое въ Ваше полное распоряженіе. Если Вы и факультетъ считаете мое дѣло справедливымъ, Вы дадите ему ходъ и безъ всякаго участія съ моей стороны. Если же оно замолкнетъ, я сочту это доказательствомъ, что *или въ Факультетѣ, или въ Совѣтѣ* Вы встрѣтили затрудненія, важность которыхъ, по моему убѣжденію, Вы можете оцѣнить вѣрнѣе, нежели самъ я.

Второй результатъ моей бесѣды съ самимъ собою—тотъ, что нравственное чувство не позволяетъ мнѣ сдѣлать ни единаго шага, не позволяетъ *сказать кому бы то ни было ни единаго слова* о дѣлѣ, которое мнѣ черезчуръ близко и въ которомъ, по тому самому, я не могу быть безпристрастнымъ судьею.

Съ искреннимъ уваженіемъ и признательностью жму Вашу руку.

Михаилъ Сухомлиновъ.

14 сентября
1864.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

17 февраля 1864 и 17 февраля 1867 года М. И., каждый разъ на три года, былъ избираемъ секретаремъ историко-филологическаго факультета. Свидѣтельствомъ добрыхъ отношеній въ Совѣтѣ Университета,

установившихся у С-ва и въ новомъ или, вѣрнѣе, обновленномъ его составѣ, является то, что, согласно избранію Совѣта, онъ назначенъ былъ 9 февраля 1866 на два года членомъ совѣта при попечителѣ Петербургскаго Учебнаго Округа; эту должность занималъ онъ также и въ 1872 году. Что нуждамъ университета, и во время перерыва въ немъ занятій, не былъ чуждъ С-въ также и литературно, на это указываетъ поданное имъ, въ ряду другихъ, «четвертое замѣчаніе» о нашихъ университетахъ, по поводу выработки новаго университетскаго устава. Тутъ С-въ высказывается, между прочимъ, за свободное пользованіе университетомъ со стороны всего общества, а не однихъ студентовъ: университетъ слѣдуетъ сдѣлать «открытымъ»; точно также высказывается С-въ и за разрѣшеніе студентамъ образовывать корпораціи [1]).

Когда въ 1867 году была организована въ Парижѣ всемірная выставка, то С-въ былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ 1 марта по 1 августа этого года, для описанія нѣкоторыхъ ея отдѣловъ. Разумѣется, ближе всего къ тогдашнимъ интересамъ С-ва и самому существу командировки стояло народное образованіе, какъ оно было представлено на выставкѣ. Отчетомъ объ этой поѣздкѣ явилась статья «Отдѣлъ народнаго образованія на Всемірной Парижской Выставкѣ 1867 года» [2]). По основному своему характеру эта статья примыкаетъ къ двумъ предшествовавшимъ по народному образованію въ Ярославской и Черниговской губерніяхъ: она также трактуетъ о народномъ образованіи, но на Западѣ, при чемъ получается картина огромной отсталости нашей въ этомъ отношеніи. Матеріалами для статьи служили съ одной стороны личныя наблюденія автора на выставкѣ, а съ другой—обширная печатная литература по народному образованію въ разныхъ странахъ Западной Европы. Что занятія С-ва на выставкѣ, въ качествѣ офиціальнаго русскаго делегата, не ограничились лишь спеціальными наблюденіями по избранному вопросу, объ этомъ свидѣтельствуютъ, повидимому, полученныя М. И-чемъ отъ администраціи выставки двѣ медали, изъ

---

1) Замѣчанія на проектъ Общаго Устава Импер. Россійскихъ Университетовъ. Ч. II. Спб. 1862, стр. 178—180.

2) Ж. М. Н. Пр. Ч. CXXXVII. 1867. Современная лѣтопись, стр. 10—47.

которыхъ одна — именная «en témoignage des services rendus» (Paris, 5 Janvier 1868).

Ко времени пребыванія С-ва на Парижской выставкѣ относится слѣдующее его письмо къ И. И. Срезневскому:

$\frac{28\text{ апрѣля}}{10\text{ мая}}$ 1867. Парижъ.

Многоуважаемый Измаилъ Ивановичъ,

Передъ отъѣздомъ моимъ въ Парижъ Вы поручили мнѣ увѣдомить Васъ объ археологическомъ отдѣлѣ выставки. По свидѣтельству спеціалистовъ, археологическій отдѣлъ есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Множество предметовъ собрано изъ различныхъ мѣстъ; многія изъ частныхъ лицъ прислали такія вещи, о существованіи которыхъ и не подозрѣвали археологи. Начиная отъ эпохи доисторической и до семнадцатаго вѣка выставлено много весьма любопытнаго. Видно, что устройствомъ археологическаго отдѣла занимались съ особенною любовью и знаніемъ дѣла. Поэтому, Вамъ очень хорошо было бы посѣтить Парижъ; самое удобное время для пріѣзда въ Парижъ—начало августа: въ началѣ августа предполагается съѣздъ въ Парижъ археологовъ, привлекаемыхъ богатымъ составомъ выставки. До сихъ поръ еще не издано полнаго каталога археологическаго отдѣла; по выходѣ его, я вышлю Вамъ немедленно. Если же я долженъ буду уѣхать изъ Парижа, то самыя точныя свѣдѣнія сообщитъ Вамъ Филимоновъ, который будетъ непремѣнно на археологическомъ съѣздѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что побывать въ Парижѣ на съѣздѣ было бы очень желательно для Васъ; единственнымъ препятствіемъ можетъ послужить дороговизна. Но если Вы пріѣдете одинъ или съ сыномъ, но безъ дамъ, такъ что Вамъ можно будетъ ограничиться *одною* комнатою, то за квартиру придется Вамъ платить не болѣе 10 франковъ въ день. Если Вы рѣшитесь ѣхать, то я увѣдомлю Васъ самымъ точнымъ образомъ, гдѣ, по моему мнѣнію, удобнѣе всего будетъ Вамъ остановиться поближе къ выставкѣ, а также гдѣ обѣдать. Большая потеря теперь при переводѣ денегъ. О фотографическихъ снимкахъ не могу сообщить Вамъ ничего опредѣленнаго, пока не будетъ составлено полное описаніе выставленныхъ вещей. Филимоновъ просилъ передать

Вамъ его усердный поклонъ и полную готовность исполнить Ваши порученія и сопутствовать Вамъ въ Парижѣ.

Искренно преданный Вамъ и уважающій Васъ Михаилъ Сухомлиновъ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

До сихъ поръ жизнь М. И-ча шла очень счастливо. Но вотъ въ концѣ 1868 года на него надвинулось большое семейное горе. Его жена страдала чахоткой, и первые угрожающіе приступы этой болѣзни относятся, повидимому, къ декабрю 1868. Объ этомъ печальномъ эпизодѣ изъ жизни С-ва мы узнаемъ изъ писемъ его къ акад. Я. К. Гроту [1]), начало сближенія съ которымъ М. И-ча относится, кажется, къ 1865 году. 7 декабря 1868 года онъ пишетъ Гроту: «Теперь я ужасно потрясенъ болѣзнью жены моей и долженъ быть неотступно у постели страдалицы». Лѣтомъ 1869 года М. И. увезъ жену для лѣченія въ Швейцарію: объ этомъ можно догадываться изъ взятаго имъ съ 1 іюня по 15 августа этого года заграничнаго отпуска по болѣзни; затѣмъ онъ одинъ вернулся въ Петербургъ. Однако осенью того же года болѣзнь жены настолько усилилась, что С-въ долженъ былъ спѣшно выѣхать къ больной изъ Петербурга, а $^{15}/_{27}$ ноября 1869 г. писалъ Гроту: «Suisse. Montreux. Pension Vautier. Къ великому нашему горю, ни врачи, ни климатъ не помогаютъ моей дорогой больной. Съ конца сентября и до настоящаго времени она лежитъ почти безъ движенія, потому что при движеніи снова показывается кровь изъ горла. Потерявъ всякую вѣру въ аллопатію и ея представителей, мы рѣшились прибѣгнуть къ гомеопатіи». Въ виду этого, онъ проситъ Я. К-ча сообщить ему свое мнѣніе о врачѣ-гомеопатѣ Беккѣ, который жилъ тогда недалеко отъ Montreux, въ семействѣ Нарышкиныхъ, и раньше былъ нѣкоторое время въ Петербургѣ. Въ письмѣ отъ $\frac{\text{22 февраля}}{\text{6 марта}}$ 1870 г., оттуда же, М. И., благодаря Грота за присылку брошюры о Плетневѣ, продолжаетъ: «Если я замедлилъ изъявленіемъ Вамъ благодарности, то причиною этому мое теперешнее состояніе. Я изнемогъ физически и нравственно. Болѣзнь моей страдалицы

1) Письма эти любезно сообщены намъ К. Я. Гротомъ изъ его семейнаго архива.

истерзала и ее и меня», и затѣмъ сообщаетъ: «Всякую минуту, которою могу воспользоваться, я употребляю на свою работу, относящуюся къ вѣку Александра I. Я очень благодаренъ посланнику въ Швейцаріи Николаю Карловичу Гирсу за его доброе содѣйствіе: благодаря ему, масса добытыхъ мною матеріаловъ значительно увеличилась». Далѣе, въ письмѣ отъ $^{6}/_{18}$ апрѣля, послѣ просьбы сдѣлать выписки изъ нѣкоторыхъ русскихъ изданій касательно Лагарпа, которымъ въ ту пору С-въ занимался, онъ пишетъ: «Болѣзнь страшно гнететъ бѣдную жену мою... и нѣтъ силъ распространяться о нашемъ горѣ». Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, отъ $^{18}/_{30}$ апрѣля, благодаря за присылку цѣнныхъ указаній о Лагарпѣ и прося сообщить, если появится что-либо новое объ этомъ въ русскихъ журналахъ, далѣе объясняетъ: «Я выѣхалъ изъ Петербурга скоропостижно: вмѣсто конца декабря, я долженъ былъ, получа самыя тревожныя извѣстія о болѣзни жены моей, спѣшить въ Швейцарію въ началѣ октября. У меня не было минуты, чтобы собрать необходимые матеріалы, тѣмъ болѣе, что я уѣзжалъ всего на три недѣли; но болѣзнь жены приняла такіе размѣры, что я долженъ былъ остаться за границею на цѣлый годъ — до августа этого (1870) года. Поэтому, всякое библіографическое указаніе для меня—кладъ. Привыкши къ точности въ научныхъ изслѣдованіяхъ, встрѣчаешь большое затрудненіе въ томъ, что у насъ довольно много вещей издается поверхностно, безъ необходимыхъ разъясненій». Вскорѣ, 21 мая 1870 года, О. А. Сухомлинова скончалась; тѣло ея было перевезено въ Россію и предано землѣ въ Петербургѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Здѣсь же умѣстно упомянуть, что постигшее С-ва несчастіе, въ видѣ преждевременной потери любимой жены, имѣло черезъ нѣсколько лѣтъ свое горестное продолженіе. Единственная отъ этого брака дочь М. И-ча, Елена (род. 18 февр. 1861 г), унаслѣдовавшая болѣзненную организацію матери, будучи, по отзывамъ, очень хороша собой, умна и прекрасно образована (окончила Маріинскую гимназію, въ Петербургѣ, съ золотой медалью), скончалась въ цвѣтущемъ возрастѣ въ Петербургѣ 1 февраля 1882 года. Глубоко потрясенный этой утратой, М. И-чъ нѣкоторое время, сберегая здоровье, прекратилъ свою служебную дѣятельность, и затѣмъ жилъ пять лѣтъ въ одиночествѣ; укра-

шеніемъ его пріемной комнаты былъ прекрасный, писанный масляными красками, портретъ его дочери; въ память покойной, имъ учреждена была при Маріинской гимназіи стипендія ея имени, въ видѣ процентовъ съ капитала въ 2.000 р. 11 января 1887 года, уже будучи почти 59 лѣтъ отъ роду, М. И. женился во второй разъ на Н. В. Окладныхъ (умершей 5 мая 1908), отъ которой имѣлъ двухъ дочерей, Олимпіаду и Татьяну.

V. Вступленіе въ Академію и дѣятельность въ ней.—Болѣзнь и смерть.

Какъ уже упомянуто, сношенія М. И-ча съ Академіей Наукъ начались вскорѣ же по переѣздѣ его на службу въ Петербургъ; съ 1853 года онъ является усерднымъ сотрудникомъ академическихъ изданій, а въ 1855 году удостоивается званія члена-корреспондента по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Мысль о привлеченіи С-ва болѣе тѣснымъ образомъ въ академическую среду возникаетъ въ 1860 и потомъ въ 1865 году, что видно изъ переписки П. А. Плетнева и Я. К. Грота [1]); при этомъ С-ву имѣлось въ виду поручить изданіе сочиненій Ломоносова; однако рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ лишь въ 1872 году. Вотъ два письма М. И-ча къ И. И. Срезневскому, по поводу устнаго предложенія послѣдняго и затребованія отъ С-ва списка его ученыхъ трудовъ для составленія соотвѣтствующей записки:

9 января 1872.

Милостивый Государь Измаилъ Ивановичъ,

Извѣстіе, которое Вы мнѣ сообщили, до такой степени было для меня неожиданно, такъ изумило, озадачило и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовало меня, что я не исполнилъ того, что должно было быть первымъ отвѣтомъ на Вашу добрую вѣсть, — не выразилъ Вамъ своей глубокой задушевной благодарности. Исполняю это теперь, и исполняю отъ всего сердца, проникнутаго живѣйшею признательностью.

---

1) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Т. III (Спб. 1896), стр. 661—662. 708. 709. 711—712.

Повинуясь Вашему желанію, посылаю Вамъ хронологическій перечень моихъ трудовъ. Незначительны они и по количеству, и по качеству; но не могу не вспомнить съ признательностью, что нѣкоторые изъ нихъ, по древней нашей литературѣ, удостоились памятнаго для меня отзыва Востокова, переданнаго мнѣ его сочленомъ, а объ относящихся къ эпохѣ Александра I сказано доброе слово въ собраніи академіи, какъ мнѣ извѣстно изъ напечатанныхъ свѣдѣній о занятіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности. Шесть вещей моихъ напечатано въ изданіяхъ Академіи Наукъ, почтившей меня избраніемъ въ члены-корреспонденты.

Вы оказали мнѣ большое довѣріе, сообщивши мнѣ о Вашемъ предположеніи относительно моей кандидатуры. Вполнѣ цѣню Ваше довѣріе и обѣщаю беречь про себя всѣ, сказанное Вами. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидаю приговора Отдѣленія Русскаго языка и Словесности.

Крѣпко, крѣпко благодарю Васъ за добрую вѣсть. Уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ я не испытываю ничего, кромѣ горя и огорченій.

Искренно преданный Вамъ и душевно Васъ уважающій Михаилъ Сухомлиновъ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

16 января 1872.

Многоуважаемый Измаилъ Иваповичъ,

Вы спрашивали, гдѣ помѣщена статья моя о преданіяхъ въ древней русской лѣтописи. По ссылкамъ на нее оказывается, что она помѣщена въ апрѣльской книжкѣ 1861 года «Основы», редакція которой сообщила мнѣ множество преданій, записанныхъ со словъ народа. Я очень бы желалъ, чтобы Вы просмотрѣли мою статью, въ которой для меня особенно дорого одно сербское преданіе, и дорого вотъ почему. Путешествуя по Сербіи, я задался мыслію, нѣтъ ли у сербскаго народа преданій, близкихъ къ тѣмъ, которыя записаны въ нашу лѣтопись. Прежде всего я обратился къ Вуку Караджичу съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ чего-нибудь схожаго съ нашими лѣтописными преданіями въ сербской устной словесности. Вукъ отвѣчалъ отрицательно, совѣтуя мнѣ не искать несуществующаго. Но я никакъ не могъ побѣдить своего упорства—искать и доискиваться: авось, думалось, хоть что-нибудь да найду. Какова же была моя радость, когда мнѣ дѣйствительно удалось услышать преданіе,

чрезвычайно сходное съ разсказомъ о смерти Олега. Въ статьѣ своей я напечаталъ сербское преданіе и въ переводѣ и въ подлинникѣ. Если Вамъ недосугъ будетъ взглянуть на мою статью, то я Вамъ сообщу сербское преданіе, слышанное мною въ Шабцѣ отъ уроженца Фрушкой Горы. Я очень бы желалъ знать Ваше мнѣніе объ этомъ преданіи.

Душевно преданный Вамъ Михаилъ Сухомлиновъ.

[Изъ семейнаго архива Срезневскихъ].

Дѣйствительно, согласно предложенію Срезневскаго отъ 4 февраля, М. И-чъ избранъ былъ Отдѣленіемъ въ экстраординарные академики единогласно, но въ Общемъ собраніи Академіи Наукъ 3 марта 1872 не получилъ требуемыхъ двухъ-третей голосовъ, вслѣдствіе чего и не былъ признанъ избраннымъ; вторично избирался въ Общемъ собраніи 3 ноября того же года и получилъ весьма значительное большинство голосовъ; высочайшее утвержденіе послѣдовало 27 ноября 1872; въ ординарные академики избранъ былъ 6 февраля 1876 года единогласно, при чемъ записка объ ученыхъ трудахъ С-ва на этотъ разъ была составлена Я. К. Гротомъ. Послѣднимъ повышеніемъ С-ва при Академіи было избраніе его предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, утвержденіе въ которомъ послѣдовало 18 января 1899 года; это званіе М. И. сохранилъ до конца своей жизни.

Я не буду распространяться здѣсь объ ученыхъ трудахъ, совершенныхъ М. И-чемъ въ званіи академика: они общеизвѣстны; отмѣчу только то обстоятельство, что самые крупные изъ нихъ (Исторія Россійской Академіи, I—VIII. 1874—1888; Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ, I—X. 1885—1900; Сочиненія М. В. Ломоносова. I—V. 1891—1902) ближайшимъ образомъ касаются исторіи и дѣятельности того учрежденія, которому М. И. посвятилъ главнѣйшую часть своихъ учено-литературныхъ силъ. Заслуги его въ этомъ отношеніи нашли себѣ достойную оцѣнку подъ перомъ А. А. Шахматова [1]) и А. И. Соболевскаго [2]). Для совершенія названныхъ работъ, главнѣйшіе

1) Ж. М. Н. Пр. 1901, № 11. Современная Лѣтопись, стр. 68—73.

2) Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ за 1901 годъ. Спб 1902, стр. 1—4.

источники для которыхъ находились въ Петербургѣ, С-ву пришлось однако же предпринять рядъ спеціальныхъ поѣздокъ по Россіи и за границу: съ 25 марта по 8 апрѣля и съ 20 мая по 10 іюня 1879, съ 1 мая по 15 сентября 1884, съ 15 марта по 15 іюля 1889 и др. О послѣдней поѣздкѣ, посвященной отысканію матеріаловъ о Ломоносовѣ, имѣемъ мы интересныя сообщенія самого М. И-ча въ письмахъ его къ Я. К. Гроту. Вотъ относящіяся сюда данныя:

« $\frac{20\ \text{апр.}}{2\ \text{мая}}$ 1889. Дрезденъ. Путешествіе свое я началъ съ Дрездена, такъ какъ отъ него рукой подать до Фрейберга. Разысканія свои я началъ со дня своего пріѣзда и веду ихъ въ двухъ мѣстахъ—во Фрейбергѣ и въ Дрезденѣ, гдѣ сосредоточивалось управленіе саксонскими горными дѣлами. День свой я начинаю съ пяти часовъ утра и даже нѣсколько ранѣе, потому что поѣздъ, и при томъ самый скорый, идетъ изъ Дрездена во Фрейбергъ въ 5 час. утра. Здѣшніе ученые и администраторы относятся ко мнѣ весьма сочувственно; весьма благодаренъ я также нашему посланнику въ Дрезденѣ барону Менгдену: при его посредствѣ я получилъ сейчасъ же доступъ въ государственный архивъ. Главная цѣль моя въ томъ, чтобы собрать, сколько возможно, свѣдѣнія о тогдашней научной дѣятельности и бытѣ. Нѣкоторыя данныя у меня уже есть. Въ числѣ рукописей удалось найти курсъ, читанный во времена Ломоносова (по минералогіи), и мнѣ обѣщали прислать его въ Петербургъ по первому, офиціальному, требованію. Любопытныя свѣдѣнія нашлись о Генкелѣ, у котораго жилъ и учился Ломоносовъ, а также о сношеніяхъ съ Саксоніею, вслѣдствіе которыхъ Ломоносовъ и былъ посланъ во Фрейбергъ. Что взятіе Хотина произвело на Ломоносова впечатлѣніе и было предметомъ толковъ, на это есть несомнѣнныя доказательства. Такъ какъ Ломоносовъ былъ во Фрейбергѣ до открытія горной академіи, то о немъ не извѣстилъ Генкель офиціально горнаго вѣдомства. Чтобы узнать, не возбуждалось ли какого-нибудь дѣла по поводу Л., его долговъ и т. п., я обратился въ архивы городской и полицейскій. Благодаря одному изъ профессоровъ Фрейбергской академіи, открыты мнѣ эти архивы. Изъ Фрейберга и Дрездена предполагаю отправиться въ Марбургъ и, вѣроятно, отправлюсь очень скоро». Окончаніе этого разсказа о поискахъ по слѣдамъ Ломоносова имѣется въ письмѣ къ Гроту отъ 12 іюля 1889, изъ

Ораніенбаумской колоніи, гдѣ М. И. жилъ на дачѣ, т. е. уже по возвращеніи въ Россію: «По выѣздѣ изъ Дрездена, мы [въ этомъ путешествіи М. И-ча сопровождала его вторая жена, Наталья Викторовна] отправились искать тепла на югѣ; думали проѣхать на югъ Франціи или въ Швейцарію, но остановились на полпути, именно въ Парижѣ, гдѣ пробыли около двухъ недѣль, и оттуда уѣхали опять въ Германію, въ Марбургъ. Въ Марбургѣ поразила меня та перемѣна, которая произошла въ администраціи послѣ пресловутаго объединенія. Первый вопросъ, который предложили мнѣ при появленіи въ Архивъ, былъ, имѣю ли я разрѣшеніе отъ центральной власти, пребывающей въ Берлинѣ, и прибавили, что до полученія этого разрѣшенія я не могу быть допущенъ къ занятіямъ въ Архивѣ. Я просилъ мѣстное начальство телеграфировать въ Берлинъ, и хотя получилъ разрѣшеніе, но когда я попросилъ дать мнѣ опись дѣлъ за нѣсколько лѣтъ (года пребыванія Ломоносова), мнѣ показали бумагу за подписью Бисмарка, строжайше запрещающую давать кому бы то ни было опись, а безъ нея—какъ въ лѣсу... Оказывается, что мнѣ надо переговорить съ министромъ Гирсомъ и черезъ посредство посла добыть кой-какія свѣдѣнія. Свиданіе съ Гирсомъ откладываю до Вашего возвращенія. Все, что можно было извлечь изъ университетскаго и части другихъ архивовъ, собрано мною».

Изъ круга академической дѣятельности С-ва, въ качествѣ Предсѣдательствующаго во II Отдѣленіи, заслуживаютъ особаго упоминанія труды его по расширенію дѣятельности Отдѣленія увеличеніемъ числа академическихъ ваканцій въ Отдѣленіи и учрежденіемъ особаго Разряда изящной словесности при Отдѣленіи въ память А. С. Пушкина. Этимъ трудамъ посвящены были два послѣдніе года жизни М. И-ча. 20 января 1899 года, когда вся Россія готовилась уже чествовать столѣтіе со дня рожденія Пушкина, послѣдовало высочайшее утвержденіе программы академическаго чествованія великаго поэта; въ ней нашла себѣ выраженіе и мысль объ учрежденіи при Академіи Наукъ Разряда изящной словесности въ память А. С. Пушкина. Отдѣленіе, при живѣйшемъ участіи Предсѣдательствующаго, приступило къ обсужденію этого вопроса; 16 марта М. И-чъ доложилъ въ Отдѣленіи составленный имъ проектъ высочайшаго указа по поводу учрежденія Разряда изящной словесности и объясни-

тельную записку къ этому проекту, согласно которому послѣдовали высочайшіе указы 29 апрѣля и 26 мая 1899 объ учрежденіи упомянутаго Разряда. Члены этого Разряда, которые должны были избираться изъ числа представителей изящной словесности и литературной критики, получили по мысли С-ва наименованіе «почетныхъ академиковъ». Кромѣ того, одновременно съ этимъ, Отдѣленіемъ испрошено было, при самой дѣятельной поддержкѣ Предсѣдательствующаго, 25.200 р. на содержаніе шести новыхъ академическихъ ординатуръ, а на труды по Разряду (Пушкинскій фондъ) положено было 15.000 р. Послѣ ряда усилій, предпринятыхъ С-вымъ на пользу дорогого ему Отдѣленія и увѣнчавшихся полнымъ успѣхомъ, онъ имѣлъ радость предсѣдательствовать на первомъ соединенномъ засѣданіи II Отдѣленія и Разряда изящной словесности 9 марта 1900 года, при чемъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Наука и литература—двѣ родственныя области, созданныя духовной силой человѣка и удовлетворяющія его духовнымъ нуждамъ и стремленіямъ. Между тою и другою областью много общаго, много сторонъ соприкосновенія. Какъ для научнаго, такъ и для литературнаго творчества необходимы вѣрное и глубокое наблюденіе и сила таланта, связующаго въ одно живое цѣлое множество отдѣльныхъ фактовъ и чертъ.

Тѣмъ сильнѣе связь науки о *языкѣ* съ литературою, ея теоріею и исторіею. Справедливо замѣчаютъ ученые, что языкъ есть самое художественное изъ всѣхъ произведеній, доступныхъ человѣческому творчеству. Что касается собственно русскаго языка, то его значеніе и величіе признается единодушно всѣми учеными и писателями отъ Ломоносова до Пушкина и Тургенева. Пушкинъ утверждалъ, что русскій языкъ «достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій». Всѣмъ памятны безсмертныя слова Тургенева, обращенныя къ писателямъ: «Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса! Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу.»

Если русскій языкъ и изученіе его свойствъ такъ высоко цѣнятся великими представителями нашей художественной литературы, то сама собою является мысль, что между учеными изслѣдователями языка и писателями-художниками можетъ и должно существовать общеніе и взаимное пониманіе. Такъ думали лучшіе люди различныхъ эпохъ и такая мысль положена въ основу учрежденій, во главѣ которыхъ слѣдуетъ назвать основанную Екатериною II «Россійскую Академію». Въ первый ея періодъ дружно работали съ одной стороны ученые: Разумовскій, Лепехинъ и др., съ другой — писатели: Державинъ, Фонвизинъ и др. Въ послѣдній періодъ Россійской Академіи членомъ ея былъ геніальный филологъ Востоковъ и геніальный поэтъ Пушкинъ. Пушкинъ избранъ въ члены Россійской Академіи 7-го января 1833 года. Пушкинъ охотно посѣщалъ академическія собранія, участвовалъ въ разсмотрѣніи «Словаря» и выразилъ пожеланія, чтобы Академія «ободрила, оживила отечественную словесность».

Въ 1841 году Россійская Академія соединена съ Академіею Наукъ и переименована въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Писатели, бывшіе членами Россійской Академіи, назначены членами Академіи Наукъ: Жуковскій, Крыловъ, князь Вяземскій и др. Князь Вяземскій говоритъ по этому поводу: «Не каждый членъ чисто литературной Академіи можетъ быть и членомъ Академіи Наукъ. Фонвизинъ, Княжнинъ, Дмитріевъ и другіе имъ подобные были совершенно на мѣстѣ своемъ въ Россійской Академіи; въ Академіи Наукъ были бы они не жильцы, а развѣ гости. И то выходило бы тогда смѣшеніе понятій и произвольная классификація».

Писатели желали образовать особую группу, и Комитетъ, составленный изъ членовъ какъ Россійской Академіи, такъ и Академіи Наукъ, призналъ нужнымъ положить нѣкоторое число *почетныхъ академиковъ*, которые, не принимая на себя обязанностей, лежащихъ на членахъ Конференціи всѣхъ трехъ Отдѣленій Академіи Наукъ, были бы полезны Отдѣленію русскаго языка и словесности своею опытностью въ языкѣ, вкусомъ и литературными талантами.

Къ такому же рѣшенію вопроса пришло и Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Весьма пріятно заявить, что взглядъ Отдѣленія раздѣ-

ляютъ и многіе изъ писателей. Такимъ образомъ, Отдѣленіе въ настоящее время состоитъ изъ Ординарныхъ и Почетныхъ Академиковъ. Званіе Почетнаго Академика—есть самое высшее званіе, въ которое Академія можетъ избрать представителей литературы. Отношеніе избранныхъ въ Академіи Наукъ, установленное новымъ закономъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ и высокому уваженію къ званію писателя, и той нравственной свободѣ, которою такъ дорожатъ писатели-художники.

При совѣщаніяхъ по этому животрепещущему вопросу высказано было мнѣніе, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности, по существу своему, является учрежденіемъ, могущимъ содѣйствовать нравственному сближенію представителей отечественной литературы. Дай Богъ, чтобы это оправдалось блестящимъ образомъ въ дѣйствительности и чтобы Отдѣленіе наше и въ своемъ новомъ, расширенномъ видѣ сохранило свое давнее и драгоцѣнное достояніе — единодушіе! Да послужитъ залогомъ нашего единодушія великое имя Пушкина, заключающее въ самомъ себѣ объединяющее начало!

Въ первый разъ это единеніе выразилось при самомъ избраніи Пушкина въ члены Россійской Академіи: забылись старые счеты, вражда и рознь уступили мѣсто справедливому признанію высокихъ заслугъ. Пушкинъ избранъ былъ единогласно. Въ собраніи участвовали: знаменитый ученый Востоковъ, знаменитый общественный дѣятель Н. С. Мордвиновъ, и личные враги Пушкина, Уваровъ и Каченовскій, высказались въ пользу его; Шишковъ, какъ Президентъ, положилъ ему два бѣлыхъ балла, и т. д.

Второй разъ имя Пушкина сблизило всю русскую литературу въ одно цѣлое, несмотря на различіе взглядовъ и направленій, въ прекрасные Пушкинскіе дни при открытіи въ Москвѣ памятника великому поэту. Кто пережилъ эти чудные дни, тотъ навсегда сохранитъ въ душѣ своей свѣтлое воспоминаніе о свободной, восторженной дани, принесенной русскому національному генію.

Въ третій разъ имя Пушкина объединило представителей нашей умственной жизни при чествованіи столѣтія со дня рожденія поэта, вызвавшемъ учрежденіе Разряда изящной словесности. Да будетъ это дорогое всѣмъ намъ имя связующимъ и вдохновляющимъ началомъ для дѣятельности Разряда изящной словесности, составляющаго одно нераздѣль-

ное цѣлое съ высшимъ въ Россіи учрежденіемъ, въ кругъ занятій котораго входятъ словесныя науки! Пожелаемъ, чтобы живая связь между литературой и наукой становилась все прочнѣе и глубже и чтобы сближеніе между ними послужило завѣтомъ и для грядущихъ дѣятелей на поприщѣ родной словесности!»

[Изъ архива II Отдѣленія Академіи Наукъ].

Работы надъ организаціей Разряда изящной словесности, которымъ самъ М. И. придавалъ большое значеніе въ своей жизни и которыя въ самомъ дѣлѣ даютъ ему право на общественную благодарность, обошлись ему далеко не безъ треній во вліятельныхъ кругахъ и особенно въ періодической печати. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ разборъ возникшихъ тогда кривотолковъ, нашедшихъ, между прочимъ, свое отраженіе въ письмахъ М. И—ча къ А. Ѳ. Кони, дѣятельное сочувствіе котораго Разряду С—въ особенно высоко цѣнилъ. Позволяемъ себѣ привести два отрывка изъ этихъ писемъ М. И—ча [1]).

«17 марта 1900. Крѣпко благодарю Васъ за Ваше живое участіе въ дѣлѣ, имѣющемъ безспорное значеніе для нашей литературы. Я тронутъ Вашимъ добрымъ отношеніемъ и къ моей посильной дѣятельности по вопросу, для проведенія котораго мнѣ пришлось выдержать своего рода борьбу. Изъ присланныхъ Вами и съ благодарностію возвращаемыхъ газетъ и журнала ясно видно, что всѣ эти нападенія доказываютъ только, что Вы мѣтко попали въ цѣль и заговорили о предметахъ, возбуждающихъ общій интересъ.

21 января 1901. Горячая благодарность Вамъ за сочувствіе нашему новому дѣлу — зарождающейся Литературной Академіи. Вы доказываете свое участіе и словомъ и дѣломъ, которымъ должно признать Вашу сегодняшнюю рѣчь [2]). И въ построеніи ея, и въ художественномъ изложеніи слышался всѣми признанный «мастеръ слова». Сдѣланныя вставки прекрасно дополняли общую картину. Даже тѣ, которымъ, быть

---

1) Они любезно сообщены намъ А. Ѳ. Кони, чрезъ посредство П. К. Симони.

2) О Вл. С. Соловьевѣ: она произнесена была въ засѣданіи Разряда изящной словесности 21 января 1901 года.

можетъ, не по сердцу были нѣкоторые взгляды Соловьева, отдавали справедливость Вашему воспроизведенію его образа. А что жрецы односторонних доктринъ не вполнѣ согласятся съ воззрѣніемъ, требующимъ бо́льшей глубины жизни и бо́льшаго пониманія не только научныхъ формулъ, но и голоса сердца, и поэтическаго творчества — все это въ порядкѣ вещей... Поздравляю Васъ съ блестящимъ успѣхомъ и радуюсь доброму началу».

Рядомъ съ усиленными академическими работами проходили и послѣдніе годы университетской дѣятельности С—ва. Послѣ небольшого перерыва, вызваннаго горестнымъ настроеніемъ по поводу смерти дочери, М. И. опять принялся за чтеніе лекцій въ университетѣ. Какъ разъ 6 марта 1882 года исполнилось тридцатилѣтіе его университетской и вообще учебной службы, послѣ чего онъ оставленъ былъ еще на пять лѣтъ на службѣ въ университетѣ, но 22 ноября 1884 года, когда, съ введеніемъ новаго устава, должны были наступить и отчасти уже наступили другія времена, онъ подалъ въ отставку «по домашнимъ обстоятельствамъ»; 30 декабря 1884 года его увольненіе отъ службы въ университетѣ состоялось.

Мнѣ пришлось быть, въ качествѣ студента-филолога, слушателемъ лекцій М. И—ча въ самую послѣднюю пору его профессорской дѣятельности, въ 1883—1884 годахъ. Тогда онъ уже не читалъ общихъ курсовъ, которые были въ рукахъ О. Ѳ. Миллера, а лишь спеціальный, именно «Источники и пособія при изученіи исторіи русской литературы», и велъ практическія занятія со студентами-словесниками старшихъ курсовъ. Упомянутый спеціальный курсъ, извѣстный лишь въ литографированныхъ изданіяхъ, былъ для насъ очень полезенъ, вводя въ исторію науки и обогащая насъ множествомъ полезныхъ историко-литературныхъ и библіографическихъ данныхъ. Замѣчанія М. И—ча на практическихъ занятіяхъ, при чтеніи студентами написанныхъ ими сочиненій, имѣли не столько фактическій, сколько методологическій характеръ, знакомя насъ съ критическими пріемами историко-литературнаго изученія; при этихъ замѣчаньяхъ М. И — чъ иногда увлекался въ сторону, по поводу какого-либо частнаго вопроса, и давалъ намъ въ высшей степени интересныя и полезныя сообщенія совершенно спеціальнаго со-

держанія. Благодаря его стараніямъ, была основана небольшая библіотека для студентовъ-словесниковъ, преимущественно изъ академическихъ изданій. Читалъ онъ вообще, съ конспектомъ въ рукахъ, очень изящно, да и вся его натура, весь внѣшній и внутренній обликъ отличались изяществомъ. Большой популярностью среди студентовъ въ то время онъ уже не пользовался; его лекціи, которыя онъ нерѣдко пропускалъ, посѣщали только старшіе студенты историко-филологическаго факультета. Было совершенно очевидно, что онъ уже кончалъ тогда свою преподавательскую карьеру, и все его вниманіе переносилось на дѣятельность въ Академіи Наукъ.

Уходъ С—ва изъ Университета былъ ознаменованъ для него избраніемъ его, при значительномъ единодушіи, въ почетные члены Петербургскаго Университета 28 января 1885 года; еще раньше этого онъ избранъ былъ, 8 сентября 1884, почетнымъ членомъ Университета св. Владиміра, а позднѣе, по поводу сорокалѣтія служебной дѣятельности М. И—ча, почетнымъ членомъ Харьковскаго университета (27 февраля 1892 г.) и Казанскаго (21 марта 1892 г.).

Между тѣмъ наступала старость, а съ ней и болѣзни. М. И—чъ былъ крѣпкаго сложенія и, по крайней мѣрѣ въ поздніе годы, въ высшей степени бережно относился къ своему здоровью. Хворать онъ началъ приблизительно съ начала 70-хъ годовъ, что можно прослѣдить по письмамъ его къ Я. К. Гроту. Подъ вліяніемъ послѣдняго, онъ сдѣлался сторонникомъ гомеопатіи въ лѣченіи своихъ болѣзней. Такъ, въ началѣ февраля 1873 года, во время болѣзни, онъ пишетъ Гроту: «Слава Богу, мнѣ лучше. Лѣченьемъ Гюбенета [врача-гомеопата] я чрезвычайно доволенъ. Какое сравненье съ тѣмъ мученьемъ, которому подвергали меня аллопаты! Крѣпко, крѣпко благодарю Васъ за участіе... Болѣзнь опредѣлена вѣрно, и средства Гюбенета оказываютъ весьма хорошее дѣйствіе. Отъ добра добра не ищутъ, и потому я остаюсь при нашей любезной гомеопатіи, за знакомство съ которою я Вамъ безконечно благодаренъ». 23 февр. 1873: «Не нахожу словъ для выраженія признательности Вамъ и многоуважаемой Натальѣ Петровнѣ [супруга Я. К. Грота] за обращеніе меня на путь гомеопатіи. Указаннымъ Вами врачомъ я также очень доволенъ: всѣ совѣты Гюбенета разумны, всѣ его средства оказы-

ваютъ превосходное дѣйствіе». Въ 1875 году онъ опять въ болѣзни прибѣгаетъ къ Гюбенету; въ 1879 году: «11 янв. У меня разыгралась было жолчь; я обратился къ гомеопату Герингу, и совѣты и лѣкарства его принесли мнѣ несомнѣнную пользу»; «21 февр. Болѣзнь у меня частію первная, частью простудная. Лѣчитъ меня гомеопатъ Ив. Ив. Крутулевскій, мой ближайшій сосѣдъ, отдаленный отъ меня только однимъ этажомъ». Въ 1898 году М. И—ча постигъ апоплексическій ударъ, отъ послѣдствій котораго хотя онъ и оправился, но съ этого времени его здоровье стало замѣтно клониться къ упадку. Онъ скончался отъ рака въ печени 8 іюля 1901 года, въ 4 ч. 15 м. утра, на своей квартирѣ по Б. Московской ул. д. 3, кв. 40, въ Петербургѣ; погребенъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, рядомъ съ могилами своей первой жены и дочери. На могильномъ памятникѣ его изображена надпись: «Днямъ доброй жизни есть число, но доброе имя пребываетъ въ вѣкъ (Іис. сына Сирахова, гл. $\overline{\text{мд}}$. $\overline{\text{зі}}$.)».

VI. Заключительныя замѣтки.

Что осталось отъ Сухомлинова?

Прежде всего осталась его учено-литературная работа. Не смотря на свои обширные размѣры, нельзя сказать все-таки, чтобы сумма всего опубликованнаго М. И—чемъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія особенно поражала количественно: нѣкоторые написали и опубликовали больше. Нельзя сказать также, чтобы написанное С—вымъ отличалось особымъ разнообразіемъ научныхъ областей, къ которымъ могутъ быть отнесены его произведенія: это почти исключительно область исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія; С—въ почти не касался, въ спеціальномъ изученіи, ни языка, ни народной словесности, ни литературъ западно-европейскихъ и инославянскихъ, ни теоретическихъ вопросовъ литературы, какъ это можно наблюдать у нѣкоторыхъ историковъ нашей словесности. Но въ его работахъ есть три важныхъ качества, которыя обезпечиваютъ за ними право на вниманіе ученыхъ и даже просто образованныхъ читателей.

Это, во-первыхъ, богатство фактическихъ данныхъ. У С—ва нѣтъ почти работъ научнаго характера, въ которыхъ бы не сообщались какіе-нибудь новые, до того времени неизвѣстные, извлеченные изъ рукописныхъ или архивныхъ источниковъ, факты. За исключеніемъ первой работы, магистерской диссертаціи, написанной въ духѣ теоретическихъ разсужденій его Харьковскаго учителя, проф. Якимова, вся послѣдующая масса научныхъ произведеній С—ва проникнута богатой и строгой фактичностью: говоритъ ли С—въ о «Пчелахъ» (1853), о древне-русскихъ «псевдонимахъ»» (1855), изучаетъ ли Лѣтопись (1856), Кирилла Туровскаго (1858) или повѣсти Петровской эпохи (1858), изслѣдуетъ ли личность Н. И. Новикова (1865) или Фридриха Лагарпа (1871), занимается ли исторіей университетовъ (1865 — 1866), Россійской Академіи (1874—1888) или комментируетъ Ломоносова (1891—1901), интересуется ли, наконецъ, дѣятельностью Пушкина (1884), Н. А. Полевого (1886) или И. С. Аксакова (1888) — вездѣ онъ является во всеоружіи фактическаго матеріала, который иногда, можетъ быть, оказывается съ излишкомъ для данныхъ литературныхъ цѣлей автора, но всегда отличается строгимъ выборомъ по своему качеству и пригоднымъ для тѣхъ или иныхъ историческихъ и историко-литературныхъ справокъ, выводовъ и обобщеній. Эта особенность оставляетъ значеніе за работами С—ва даже и тогда, когда взятый имъ сюжетъ полнѣе и шире былъ обработанъ кѣмъ-нибудь позднѣе.

Во-вторыхъ, существенной особенностью работъ С-ва является его строгая научная метода—критицизмъ и осторожность въ выводахъ. Выбирая факты изъ первоисточниковъ, С-въ всегда стремился не къ одному только ихъ количественному богатству, но и къ ихъ достовѣрности и пригодности сдѣлаться дѣйствительными и заслуживающими довѣрія основаніями для выводовъ. Слабой стороной С-ва, быть можетъ, была собственно лингвистическая и палеографическая его подготовка, сказавшаяся на нѣкоторыхъ условностяхъ въ изданіи древнихъ памятниковъ или въ кое-какихъ частностяхъ его историко-литературной работы — особенно съ теперешней точки зрѣнія, но въ ту пору, когда М. И-чъ вырабатывалъ себѣ пріемы научнаго изслѣдованія, лингвистическая и палеографическая научная литература по части русскихъ памятниковъ

была лишь въ зачаткѣ, не смотря на наличность трудовъ А. Х. Востокова, котораго М. И-чъ былъ восторженнымъ почитателемъ. Въ области же собственно историческихъ и историко-литературныхъ явленій, къ которымъ въ дѣйствительности единственно и лежала душа С-ва, несмотря на постоянно указываемую имъ, на лекціяхъ и отчасти въ сочиненіяхъ, важность изученія собственно языковыхъ данныхъ, С-въ неизмѣнно обнаруживалъ замѣчательное научное самообладаніе. О необходимости примѣненія строгой научной методы онъ не разъ и съ большой настойчивостью говорилъ и на своихъ теоретическихъ лекціяхъ, и на практическихъ занятіяхъ при разборѣ студенческихъ сочиненій, придавая этой сторонѣ дѣла особое значеніе и выдвигая ее на первый планъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, привлекательнымъ качествомъ научныхъ работъ С—ва является изящная форма, въ которую онѣ облечены. М. И-чъ писалъ и говорилъ точнымъ и красивымъ языкомъ, обнаруживая съ своей наклонности къ изяществу выраженія не одни только личныя особенности своей натуры, но и пріемы старой литературно-научной школы, также, вѣроятно, унаслѣдованные имъ изъ Харькова. Однако склонность къ красивому выраженію своихъ мыслей никогда не завлекала его въ дебри псевдо-ученаго пустословія ни на каѳедрѣ, ни въ кабинетной работѣ: къ этому не допускала его образцовая ученая добросовѣстность и та осторожность, которая вообще служила отличительной его чертой не только какъ изслѣдователя и ученаго писателя, но и какъ человѣка.

Кромѣ учено-литературныхъ трудовъ, отъ М. И-ча осталось еще, для знавшихъ его, привлекательная и симпатичная личность. М. И-чъ обладалъ характеромъ, основныя черты котораго не всегда и сразу можно было отчетливо отгадать. Нѣкоторымъ онъ казался неискреннимъ и даже скрытнымъ. Но при ближайшемъ съ нимъ соприкосновеніи можно было видѣть, сколько благодушія и откровенности носилъ въ себѣ этотъ человѣкъ, замкнутый, при офиціальныхъ отношеніяхъ, въ тогу нѣсколько холодной, хотя и безупречной, вѣжливости. Причина этого лежала въ чрезвычайной осторожности его натуры, проявлявшейся имъ почти всегда и всюду. Я лично могу судить отъ этомъ лишь за послѣдніе годы его жизни, но отъ другихъ слышалъ, что и въ молодости М. И. проявлялъ то же, повидимому основное, качество его природы. Онъ обладалъ доброй душой

и отзывчивымъ сердцемъ, не разъ доказывая это словомъ и дѣломъ. Наконецъ, это былъ человѣкъ истинно просвѣщенный и высоко образованный. Онъ пережилъ на себѣ разнообразныя перепетіи русской общественно-политической жизни за всю вторую половину прошлаго вѣка. Начавъ работать и сознательно мыслить въ эпоху памятнаго возбужденія общественной нашей мысли въ 50-хъ годахъ XIX в., онъ воспринялъ и усвоилъ себѣ лучшія начала тогдашняго настроенія русской интеллигенціи, посвятивъ себя университетскому преподаванію и наукѣ; въ послѣдующія десятилѣтія онъ прожилъ самыя разнообразныя умственныя теченія въ русскомъ обществѣ, но принималъ въ нихъ извѣстное участіе большею частію лишь теоретически, наблюдая ихъ изъ того уголка, который онъ создалъ для себя изъ занятія своей наукой; онъ былъ главнымъ образомъ кабинетнымъ работникомъ и университетскимъ преподавателемъ, и въ успѣхахъ на этомъ поприщѣ заключается его несомнѣнное право занять почетное мѣсто въ лѣтописяхъ русской науки и просвѣщенія.

Іюнь, 1911.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
Б
Общ наук
Академ наук СССР

СОДЕРЖАНІЕ.

стран.

Матеріалы для біографіи М. И. Сухомлинова..... 1—64

I. Въ Харьковѣ (с. 1).
II. Поступленіе на службу въ Петербургѣ (с. 8).
III. Первая командировка заграницу (с. 14).
IV. Дальнѣйшая служба въ университетѣ.—Поѣздки внутри имперіи и заграницу. — Семейныя событія (с. 39).
V. Вступленіе въ Академію и дѣятельность въ ней.—Болѣзнь и смерть (с. 50).
VI. Заключительныя замѣтки (с. 61).